

№ 40.

1870.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

— Годъ I. —		— Годъ II. —	
ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	2 р. — к.
Съ доставкою въ	5 » — »	Съ доставкою въ	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой.	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка нетита. Особые приложенія къ номеру (9000 вкз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Варъ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

ССЫЛКА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО).

Ассесоръ Дорнъ прохаживался по комнатѣ съ пониженнымъ взоромъ и заложившими за спину руками. На стиснутыхъ губахъ его мелькала горькая и грустная улыбка, хотя черты лица его казались совершенно спокойными. Опытный глазъ легко могъ подмѣтить, что молодой человѣкъ усиливался быть спокойнымъ, между тѣмъ какъ въ груди его была настоящая буря. Онъ до такой степени наловчился владѣть собою, что силы не измѣняли ему и въ эту минуту.

Немногіе понимаютъ, какихъ усилій и мукъ стоить скрывать свои чувства, когда горячая кровь кипитъ, обида и негодованіе разрываютъ грудь и медленнымъ огнемъ жгутъ сердце.

Хотя Дорна и нельзя было назвать красавцемъ, но черты лица его отличались правильностью; на блѣдныхъ щекахъ сквозила нервная раздражительность, а въ черныхъ большихъ глазахъ видна была твердость и рѣшимость. Эти глаза отличались необычайнымъ, почти невыносимымъ блескомъ. Дорнъ былъ средняго роста и строенъ станомъ; по его наружности можно было заключить о преобладаніи въ немъ умственной дѣятельности, которая въ возбужденномъ состояніи еще болѣе усиливалась. Онъ все еще ходилъ взадъ и впередъ, какъ вдругъ постучали въ дверь—и прежде чѣмъ онъ успѣлъ откликнуться, въ дверяхъ появился молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, ровесникъ Дорна. Это былъ докторъ Гольцъ. Приблизившись къ Дорну и протянувъ ему руку, онъ сказалъ въ сильномъ волненіи:

— Дорнъ, я слышалъ, что сегодня кончилось слѣдствіе по твоему дѣлу. Извѣстно-ли тебѣ рѣшеніе?

— Конечно, отвѣчалъ Дорнъ, — вѣдь я прежде всѣхъ въ правѣ знать его; ужъ болѣе часу какъ я получилъ это извѣстіе и только-что хотѣлъ ознакомиться съ его результатомъ.

— Въ чемъ же заключается рѣшеніе? возразилъ съ нетерпѣніемъ Гольцъ.

— Прочти самъ, сказалъ Дорнъ, указывая на лежащую на столѣ бумагу,—приговоръ написанъ по формѣ и казенныя пошлины за гербовый листъ взысканы съ меня какъ слѣдуетъ.

Гольцъ, не слыша насмѣшки, съ которой были произнесены послѣднія слова, быстро прочелъ бумагу и съ невольнымъ вздохомъ облегченія, съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ, смотря на друга:

— Ну, слава Богу, тебя только переводить въ Б...; я боялся худшаго.

Лицо Дорна болѣзненно дрогнуло.

— Откровенно говоря: ты боялся видѣть меня совсемъ отставленнымъ отъ службы, возразилъ онъ:—или ты думалъ, что судьи сожгутъ меня на костѣ за то, что я осмѣлился не раздѣлять ихъ мнѣній! Чѣмъ-же этотъ переводъ сноснѣе совершеннаго увольненія? По моему, оно еще хуже. Мнѣ назначили ссылку, чтобъ погубить меня въ этомъ гнѣздѣ, гдѣ я никому не принесу ни пользы ни вреда... Этимъ переводомъ хотятъ заставить забыть меня — и я увѣренъ, что обо мнѣ никто не вспомнитъ. Вотъ ихъ цѣль.

— Ты все видишь въ худшемъ свѣтѣ! воскликнулъ Гольцъ.—Теперь ты оскорбленъ — и вся будущ-

Киргизы и жизнь ихъ.

По губерніямъ астраханской, самарской, оренбургской, южной и средней части пермской, южной части тобольской, по киргизъ-кайсацкимъ степямъ — странствуютъ по преимуществу три кочующихъ племени: киргизы, башкиры и калмыки. Такъ какъ первые сравнительно сохранили большую самостоятельность, и менѣе другихъ измѣнились отъ нашего вліянія въ своихъ правахъ и обычаяхъ, — то мы полагаемъ, что читателямъ нашимъ интереснѣе будетъ познакомиться съ ихъ бытомъ и племеннымъ характеромъ. Эти три народа часто смѣшиваются даже мѣстными русскими, которые часто не отличаютъ ихъ другъ отъ друга даже названіемъ, а всѣхъ безразлично называютъ «татарами». Русское вліяніе настолько оказалось сильнымъ, что башкиры и киргизы, столь родственные между собою, почти уже не походятъ другъ на друга, за исключеніемъ языка, который остался у нихъ одинъ — съ самыми незначительными различіями, такъ что они понимаютъ другъ друга.

Киргизы до сихъ поръ — совершеннѣйшіе кочевники, почти единственные обитатели необозримыхъ степей, въ которыхъ, кромѣ нихъ, хозяйничаютъ лишь люди одинаковаго съ нимъ происхожденія, развитія, образа жизни; родина ихъ обширна — она простирается отъ Урала до озера Балкаши-Ноора, отъ Каспійскаго моря до Алтая. О башкирахъ нельзя того же сказать; у нихъ есть деревни и поля — и только нѣкоторые изъ нихъ на лѣто покидаютъ свои убогія лачуги, чтобы дать отдохнушему скоту отѣстаться на сравнительно тѣсныхъ пастбищахъ. Башкиръ живетъ по законамъ, которые ему даны, служить въ уральскихъ казакахъ; киргизъ — самъ себѣ законъ, и тогда только признаетъ себя обязаннымъ воевать, когда ему лично грозитъ опасность. До сихъ поръ нашимъ еще не удавалось, несмотря на множество разсыянныхъ по степямъ *остроговъ* (крѣпостцы изъ досокъ, обведенныя валомъ и рвомъ), вполне покорить киргизовъ, тогда какъ съ башкирами это не представляло трудности — тѣмъ болѣе что они живутъ въ земляхъ по большей части населенныхъ русскими, такъ что мѣстами скорѣе башкиры живутъ между русскими, чѣмъ русскіе между башкирами; отсюда и большое вліяніе на нихъ русскихъ. Съ каждымъ годомъ они болѣе и болѣе теряютъ свою народность и болѣе привыкаютъ къ осѣдлости, такъ что не въ далекомъ будущемъ исчезнуть между ними послѣдніе кочевники.

Башкиры стоятъ, если можно такъ выразиться, на болѣе высокой степени цивилизаціи чѣмъ киргизы; но за то они — народъ крайне испорченный, коварный, скрытный и, при кажущейся тупости, хитрый и вороватый. Киргизъ, напротивъ, гостепріимецъ, — чего впрочемъ нельзя отнять и отъ башкира, — открытъ, добродушенъ, и, при всей флегмѣ, наивенъ и легкомысленъ.

Путешественнику, вынужденному кочевать въ башкирскомъ селеніи, которое состоитъ нерѣдко изъ одной шайки мошенниковъ, или имѣющему башкира ямщикомъ, не мѣшаетъ держать оружіе подъ рукою (особенно ночью) и спать не слишкомъ крѣпко, иначе весьма легко можетъ случиться, что его ограбятъ или даже убьютъ.

Владѣнія киргизовъ съ запада отдѣляются Ураломъ и живущими тутъ казаками — отъ земель другаго родственнаго племени, калмыковъ; съ землями же башкировъ они граничатъ съ сѣвера и сѣверо-запада; съ востока киргизы имѣютъ сосѣдями монголовъ; къ югу

земля ихъ простирается до самой Ишимской степи. Точнѣе опредѣлить границы невозможно, потому что онѣ частью безпрестанно мѣняются, а частью вовсе не существуютъ.

Большими ордами, предводительствуемыми Ханомъ, киргизовъ уже болѣе не встрѣчаютъ. Они обыкновенно слѣдуютъ за своими стадами маленькой ордой изъ пяти или десяти семействъ, на грубыхъ, двухколесныхъ тѣлегахъ, — и то тутъ, то тамъ разбиваютъ палатки по близости хорошей воды. Иногда даже одна семья, съ своими маленькими стадами, сама по себѣ странствуетъ по широкимъ степямъ.

Бѣдныя жилища киргизовъ устроены такъ практично, какъ можетъ научить лишь природная сметка и долгій опытъ. Шатры свои они разбиваютъ въ три-четыре часа, снимаютъ же и нагружаютъ на тѣлегу въ еще болѣе короткое время. Такая *каша* (называемая калмыками *юртой*, а монголами *ирей*) имѣетъ форму стекляннаго колпака, 10—12 футовъ вышины въ срединѣ, и покрываетъ поверхность въ 150—200 квадратныхъ футовъ. Срубъ составленъ изъ множества деревянныхъ брусковъ перевязанныхъ ремнями, покрытъ толстымъ войлокомъ (кошмою) и сверху обвязанъ еще тесьмами, въ руку шириною, плетеными изъ конского волоса, или просто волосяными веревками. Входъ завѣшенъ подбитой холстомъ кошмою. По срединѣ, надъ самымъ очагомъ, состоящемъ изъ двухъ-трехъ камней или чугунаго треножника или тагана, сдѣлано отверстіе фута въ два или три, которое можно задернуть при помощи двухъ волосяныхъ снуровъ и которое служитъ столько же для впуска свѣта, сколько для выпуска дыма. Шатеръ къ землѣ прикрѣпленъ войтыми въ нее кольями. Благодаря своей практичной формѣ, онъ доставляетъ полную защиту отъ бури и дождя. Зимомъ кладутъ войлокъ въ два-три ряда, и снаружи обкладываютъ снѣгомъ. Топливомъ служатъ киргизамъ сушеный лошадиный или коровій навозъ.

Внутренность такой *каши* представляетъ безпорядочный сборъ всего что составляетъ хозяйство киргиза: тутъ (безъ всякаго порядка или опрятности) валяются разбросанные кошмы, бараньи шкуры, котлы, тряпки, провизія, валенныя шапки и сапоги, сундуки, деревянная посуда, сѣдла и всякая всячина. Такъ какъ полъ только мѣстами покрытъ кошмами, которые служатъ постелями, а остальное — голая земля высохшая и разрытая, то при каждомъ движеніи подымается пыль. Отъ горящаго на очагѣ навоза постоянно накопляетъ *кашу* дымомъ; кромѣ того, несмотря на отверстія, въ ней заводится особый кислый запахъ, который ночью дѣлается положительно ужасенъ, потому что въ этомъ тѣсномъ пространствѣ спятъ иногда до восьми человекъ. Насѣкомыя всякаго сорта гнѣздятся въ шубахъ, кошмахъ, даже въ войлокѣ шатра. Въ особенности невыносимо жить въ такой *кашѣ* зимою, когда бѣднѣйшіе вынуждены забирать въ нее же телятъ, ягнятъ и жеребятъ. Все это заставляетъ страдающихъ грудью (которые обречены докторами нить кумысъ втеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ) тотчасъ же ставить себѣ отдѣльную *кашу*, чтобы по крайней мѣрѣ избавиться отъ всякихъ животныхъ. Есть впрочемъ исключенія — хотя и крайне рѣдкія: бывають *каши*, въ которыхъ земля устлана богатыми персидскими коврами, стѣны завѣшаны красивыми ма-

теріями, вдоль которыхъ тянутся диваны, между тѣмъ какъ съ одной стороны стоитъ низенькая постель, окутанная безчисленными занавѣсами отъ комаровъ, да столикъ съ прекраснымъ чайнымъ приборомъ. Такими шатрами конечно обладаютъ лишь очень богатые хозяева, часто и подолгу бывавшіе въ большихъ городахъ, — а еще чаще татары или бухарцы, путешествующіе по дѣламъ или даже просто для своего удовольствія.

Необходимѣйшая утварь, каждаго киргизскаго хозяйства, это — *турзукъ*, т. е. кожаный мѣхъ, который содержитъ около десяти ведеръ; въ немъ хранится кумысъ, въ немъ же и дѣлается.

Кумысъ (одна изъ главныхъ статей пищи киргизовъ) есть, какъ извѣстно, смѣсь коровьяго, овечьяго и преимущественно кобыляго молока, которая въ продолженіе 10 — 14 дней кипитъ и бродитъ. Во все это время, ежедневно нѣсколько разъ сильно мѣшаютъ эту жидкость длиною палкою, поперекъ конца которой прикрѣплена маленькая дощечка; тоже самое повторяютъ каждый разъ какъ нужно пить кумысъ, прежде чѣмъ наливать его. Онъ имѣетъ запахъ кислый, захватывающій дыханіе, а вкусомъ похожъ на сыворотку отъ масла. Онъ очень сытенъ, такъ что человѣкъ въ первый разъ пьющій его — не въ состояніи проглотить больше стакана; но самые слабые больные, которымъ кумысъ сначала даже противенъ, такъ втягиваются, что выпиваютъ его восемь и десять стакановъ безъ успія, и находятъ его вкуснымъ. Если досыта напиться его, онъ производитъ нѣкотораго рода опьяненіе; человѣкъ впадаетъ въ какую-то истому, хотя не хочетъ спать, но не хочется какъ-то ни двигаться, ни говорить, ни думать. Безъ кумыса киргизъ не въ состояніи просуществовать ни одного часа. Если пастухъ гонитъ стадо въ поле, онъ беретъ съ собою маленький турзукъ съ кумысомъ (около ведра); куда бы и какъ бы ненадолго киргизъ ни отправился — неизбѣжный турзукъ непременно при немъ. Ежеминутно дѣти и взрослые выпиваютъ по чашечкѣ; если у киргиза гости — это первое угощеніе. И сколько они тянутъ его — только дивиться надо! Въ три четыре часа, за пріятельской бесѣдой, или просто сидя кружкомъ вокругъ огня, подогнувъ ноги калачикомъ, они выпиваютъ каждый отъ восьми до десяти чашекъ, а чашки эти содержатъ не менѣе двухъ стакановъ — иногда и больше. Весной и лѣтомъ, въ самую молочную пору, киргизы еще готовятъ изъ коровьяго и овечьяго молока чрезвычайно острый сыръ, который они сушатъ на солнцѣ и берегутъ на зиму. Такъ какъ у нихъ нѣтъ опредѣленнаго времени для ѣды, то цѣлый день видны ихъ съ кускомъ этого сыра въ рукѣ. Онъ у нихъ въ такомъ же почетѣ какъ кумысъ. Коровье масло и муку они употребляютъ почти только на печеніе какихъ-то лепешекъ; хлѣбъ у нихъ рѣдкость.

Въ торжественныхъ случаяхъ они зарѣзываютъ быка, корову или лошадь — и довольно вкусно готовятъ мясо съ рисомъ, хотя, какъ и все прочее, безъ соли. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно сзываютъ бездну гостей, чтобы разомъ все съѣсть, и каждый гость обязанъ усердно помогать въ этомъ хозяину, чтобы не обидѣть его.

Киргизы вообще чрезвычайно гостепріимны. Какъ только хозяина увѣдомляютъ, что къ его шатру приближаются гости, онъ выходитъ, ждетъ ихъ на порогѣ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу, обѣими руками беретъ протянутыя ему руки гостей, проситъ

ихъ пожаловать въ шатеръ, гдѣ онъ каждому указываетъ мѣсто у очага. Первымъ дѣломъ, въ ожиданіи другихъ кушаній, подается кумысъ. Когда наконецъ являются эти кушанья, всѣ ѣдятъ изъ одного блюда, пальцами, причемъ хозяинъ все уговариваетъ гостей кушать побольше — и конечно вмѣнилъ бы себя въ великую честь, еслибы ему удалось гостя закармливать до смерти.

Послѣ обѣда или ужина, когда всѣ чистенько вытрутъ пальцы объ сапоги или полы, опять является на сцену кумысъ и уже не исчезаетъ. Если гость — европеецъ, ему подають особый приборъ, съ ложкой, ножомъ и вилкой. Несмотря на эту любезность, европеецъ рѣдко съ аппетитомъ ѣстъ ихъ кушанья, потому что главное условіе для оцѣнки ихъ по достоинству — не знать и не думать о томъ, какъ ихъ готовятъ. Такъ, напр., весьма рѣдко случается, что во время доенія въ шайку попадаютъ вещи совсѣмъ туда не принадлежащія — и въ большинствѣ случаевъ не выкидываются, а если и выкидываются, то при непосредственной помощи грязной руки. На такіе мелочи обыкновенно не слишкомъ-то обращаютъ вниманіе, а все какъ есть выливаетъ въ турзукъ — можетъ-быть даже это способствуетъ броженію. Одного взгляда на котелъ достаточно чтобы убѣдиться, что онъ никогда не чистится, вслѣдствіе чего внутри образуется толстая короста изъ земли и осадокъ различныхъ варимыхъ въ немъ кушаній. Въ такой же точно неопрятности киргизы держатъ свое тѣло и платье. Рубаху киргизъ не снимаетъ до тѣхъ поръ, пока она у него лохмотьями сама не развалится; въ праздники онъ только сверху надѣваетъ свой лучшій нарядъ, который тоже лоснится отъ жира. Хотя киргизъ, слѣдуя заповѣди Магометой, долженъ бы умываться по нѣскольку разъ въ день, но онъ это исполняетъ крайне рѣдко — и то единственно въ видѣ обряда, такъ что онъ только слегка смачиваетъ концы пальцевъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ длиннаго мѣшка (падающаго много ниже колѣнъ, съ длинными рукавами широкими къ низу) и короткихъ штановъ. Кромѣ того, такъ какъ мужчины стригутся подъ гребенку, они носятъ плотно прилегающіе къ головѣ колпаки изъ кожи или чего другаго, обыкновенно вышитые или выложенные фигурами изъ блесокъ или цвѣтныхъ стесокъ, а у богачей изъ драгоценныхъ камней. Сапоговъ или туфель киргизы по большей части не носятъ, а надѣваютъ ихъ только когда отправляются въ гости или въ городъ. Зимой киргизъ ходитъ въ тулупѣ и мѣховой или валяной шапкѣ. Иногда случается встрѣтить въ городахъ весьма опрятно одѣтыхъ киргизовъ, но это уже не настоящіе киргизы, а цивилизованные по-бухарскому торговцы. Они вообще охотно перенимають нравы и одежду бухарцевъ.

Дѣти тоже обыкновенно бѣгаютъ въ мѣшкѣ, или рубахѣ, и колпакѣ; остальное же — какъ Богъ создалъ. Ихъ съ малолѣтства приучаютъ къ неопрятности. Такъ на примѣръ, одинъ путешественникъ рассказываетъ, что одной киргизкѣ почему-то вздумалось вымыть своего пяти или шестимѣсячнаго ребенка. Она для этого выбрала день жарче, въ самый припекъ вынесла ребенка, голаго, къ близъ лежащему озеру, зачерпнула воды и полила ею ребенка, осторожно держа его на воздухѣ за одну ручку, потомъ взяла его за другую ручку и полила съ другой стороны. Въ видѣ лишней роскоши она еще нѣсколько разъ побрызгала въ него — чѣмъ и кончился мудреный процессъ омовенія, къ полному ея удовольствію.

Киргизы чрезвычайно любятъ дѣтей своихъ, и въ высшей степени балуютъ ихъ. Нерѣдкость видѣть мальчишекъ пяти и шести лѣтъ—неотнятыхъ отъ груди; спать ихъ кладутъ въ деревянные ящики, спеленутыхъ ремнями вмѣсто свивальниковъ, да еще укачиваютъ. Такія же нѣжности оказываютъ старикамъ: въ холодныя ночи ихъ по шею зарываютъ въ горячую золу. Иные старики доживаютъ до ста лѣтъ, и живутъ уже однимъ кумысомъ.

Въ одеждѣ женщинъ особенно характеристично мѣшкообразное покрывало, которое онѣ носятъ въ городахъ. Оно набрасывается на голову, закрываетъ лицо, оставляя только отверстіе для глазъ, и падаетъ двумя углами на грудь и спину. Съ этимъ покрываломъ киргизки отлично умѣютъ кокетничать: когда имъ попадется европеецъ, онѣ потихоньку дергаютъ его за задній конецъ, такъ что передъ поднимается и обнажаетъ лицо; а если встрѣтятся мусульманинъ—тотчасъ закрываются. Въ видѣ украшенія онѣ вплетаютъ въ косы длинныя цвѣтныя ленты, къ которымъ придѣланы золотыя и серебряныя монеты, нерѣдко отъ тридцати до сорока штукъ; въ томъ числѣ иногда бываютъ монеты величиною въ рублевую. Киргизки любятъ бѣлится и румяниться,—а ногти на пальцахъ, какъ всѣ жительницы Востока, красятъ въ желтую краску.

Какъ общее правило, киргизы имѣютъ только по двѣ жены (у богатыхъ, впрочемъ, бываетъ и до шести и семи), которыхъ они покупаютъ у родителей или ближайшихъ родственниковъ за *калымъ*, т. е. извѣстную плату, обыкновенно отсчитываемую скотомъ, овцами и лошадьми,—и затѣмъ уже считаютъ своей законной собственностью. Если невѣсту похищаютъ, что случается нерѣдко, то цѣна впослѣдствіи получается по уговору.

Такъ какъ все время мужчинъ занято стадами, охотой и торговлей, то все прочія работы возложены на женщинъ: онѣ ставятъ и снимаютъ шатры, стригутъ овецъ, дѣлаютъ войлокъ, плетутъ тесьмы, крутятъ веревки и т. д., не говоря уже объ обыкновенныхъ женскихъ работахъ: доеніи коровъ, овецъ и кобылъ, дѣланіи сыра и кумыса, уходъ за дѣтьми.

Гнетущій дневной зной лѣтомъ всѣхъ принуждаетъ уходить въ шатры, тѣмъ болѣе что это почти единственное время, въ которое можно спать спокойно, не страдая отъ комаровъ—ужаснаго бича степей. Такъ какъ въ эту пору все спитъ, а пастухи со стадами—въ полѣ, то въ станѣ господствуетъ глубокая тишина. Тѣмъ шумнѣе бываетъ по утрамъ и въ особенности вечерамъ, когда стада возвращаются для доенія. Уже издали они заявляютъ о себѣ блеяніемъ, мычаніемъ, ржаніемъ—и этимъ будятъ весь станъ. Женщины собираютъ свои шайки; старики, охая и крихтя, выползаютъ изъ шатровъ, чтобъ послушать новостей; дѣти готовятся ловить и загонять телятъ и жеребятъ, и съ радостнымъ крикомъ бросаются на встрѣчу стадамъ, точно это для нихъ новость.

Подходя къ стану, пастухи раздѣляютъ стадо на кучи, и дѣти принимаются за работу. Подъ страшный шумъ, хохотъ, крикъ, начинается гоньба—и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ телята и жебята, будучи изловлены и привязаны, образуютъ одинъ кругъ. Каждая корова становится подлѣ своего теленка, каждая кобыла подлѣ своего жеребенка, такъ что при доеніи ни одна не можетъ быть обойдена. Все это время не прерывается воркотня и ругань женщинъ, командованіе па-

стуховъ, ржаніе и мычаніе стада. Послѣ доенія, телятъ и жеребятъ отвязываютъ—и стадо нѣкоторое время отдыхаетъ, пока на ночь его опять не погонятъ дальше отъ шатровъ.

Зимой за стадами нѣтъ никакого ухода; они сами должны выкапывать себѣ кормъ подъ снѣгомъ копытами, и не защищены ни чѣмъ отъ непогоды, мороза и мятелей,—такъ что въ очень холодныя зимы гибнетъ множество скота, больше чѣмъ даже въ лѣтнюю засуху. Говорятъ, что испаренія отъ большого количества палаго скота часто причиняютъ чуму; это весьма вѣроятно, если вспомнить, что о закапываніи мертвыхъ животныхъ въ землю, при многочисленности стадъ, не можетъ быть и рѣчи. Главнымъ образомъ стада состоятъ изъ овецъ и лошадей; затѣмъ слѣдуетъ рогатый скотъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и верблюды.

Овцы быстро жирѣютъ отъ травы, растущей изъ соляной почвы, и у нихъ сзади нарастаетъ *курдюкъ*, какъ бы подушка, въ которой накапливается до пяти фунтовъ сала. Одногорбые верблюды служатъ вычными животными караванамъ, ходящимъ между Бухарой и русскими торговыми городами. Лошади невелики, костлявы, и невзрачны, даже не особенно сильны, но удивительно быстры и выносливы. Ихъ продаютъ обыкновенно дикими—и нужно большое терпѣніе и искусство, чтобы приучить ихъ ходить въ упряжи. Гораздо рѣже случается, чтобы на лошади нельзя было ѣздить, потому что киргизъ не спрашиваетъ, выѣзжена ли она или нѣтъ, а вскакиваетъ, когда случится надобность, на перваго попавшагося коня,—и ужъ тогда, какъ бы конь ни прыгалъ, ни поднимался на дыбы, ни бросался—ни что не помогаетъ: всадникъ точно криосъ къ нему; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сбросить съ себя сѣдока, лошадь стрѣлою мчится въ степь, нѣсколько часовъ побѣситъ, потомъ утомится, усюножится и послушно даетъ собою управлять. Это удивительное умѣніе киргизовъ обращаться съ лошадьми—происходитъ отъ того, что они съ малолѣтства привыкли къ нимъ и научаются по нимъ лазать почти прежде чѣмъ ходить. У каждой *каши* всегда привязано нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, которыя и служатъ молодому поколѣнію для гимнастическихъ упражненій,—причемъ весьма рѣдко случается несчастіе, благодаря добродушію животныхъ. Если малюткамъ удастся отвязать одну лошадь—ихъ нѣсколько на нее влѣзаютъ и скачутъ съ крикомъ и ликованіемъ по степи; конечно, каждый свалится несмѣтное число разъ, но черезъ это постепенно научается крѣпко сидѣть.

Когда мальчику минетъ восемь или девять лѣтъ, его подвергаютъ особаго рода искусу, послѣ котораго онъ признается настоящимъ всадникомъ. Когда гонятъ стадо съ пастбища въ станъ, мальчика сажаютъ на лучшаго бѣгуна и крѣпко привязываютъ къ сѣдлу. Шествіе совершается сначала медленно, пока идущій впереди пастухъ чего-то не гаркнетъ стаду. Тогда оно вскачь бросается къ шатрамъ, гдѣ посвященнаго, почти безчувственного отъ испуга и быстрой ѣзды, снимаютъ съ лошади. Съ тѣхъ поръ онъ уже каждый день ѣздитъ на пастбище и назадъ—и въ скоромъ времени научается скакать непривязаннымъ. Киргизу ничего не значитъ на полномъ скаку поднять съ земли платокъ или монету. Въ торжественныхъ случаяхъ у нихъ устраиваются такія игры, а также стрѣльба въ цѣль изъ лука, единоборство и пр.

Самый лучший случай выказать свое наѣздинство

и ловкость—представляет киргизамъ охота на волка; они отправляются на нее верхомъ—и единственного врага ихъ стада, сѣраго звѣря, до смерти забиваютъ нагайками. Чтобы достать его нагайкой, имъ нерѣдко приходится цѣпляться за лошадь одной ногой да за гриву одной рукой. Такъ какъ они съ-измала цѣлый день въ сѣдлѣ и, когда скачутъ, стоятъ на стременахъ, то у нихъ у всѣхъ кривыя ноги. Женщины, хотя и не могутъ помѣяться съ мужчинами, однако тоже хорошія наѣздицы, ужь конечно не съ дамскими сѣдлами.

Безпрестанно случается кража лошадей и подаетъ поводъ къ долгимъ препирательствамъ. Чуть только одна орда замѣтитъ, что сторожа у сосѣдей орды небрежны, — тотчасъ рѣшаетъ снять лагерь. Къ вечеру который-нибудь изъ самыхъ ловкихъ наѣзтниковъ крадется на пастбище, высматриваетъ удобную минуту, и, набросивъ на одну лошадь узду, вскакиваетъ на нее и мчится, въ то же время заманивая часть табуна за собою. Пастухи бросаются удерживать лошадей и этимъ даютъ возможность вору удалиться—и воротиться къ своимъ, которые ждутъ его, готовые подняться въ путь. Ихъ конечно не оставляютъ въ покоѣ, а долгое время преслѣдуютъ. Такимъ образомъ возникаютъ безпрерывныя мелкія войны, поводомъ къ которымъ также нерѣдко служитъ похищеніе женщинъ.

Киргизы — мусульмане, но исламизмъ ими сильно

измѣненъ и приспособленъ къ ихъ характеру. Кромѣ того у нихъ сохранились разные обряды, свидѣтельствующіе о поклоненіи звѣздамъ и духамъ хранителямъ стада.

Плясокъ у нихъ, кажется, нѣтъ совсѣмъ; а пѣсни ихъ необыкновенно однообразны, заунывны и тихи — истинное подобіе монотонности степенъ. На веселыхъ празднествахъ эти грустные напѣвы, хотя не лишены благозвучія, какъ-то не умѣста.

Въ извѣстныя времена киргизы подходятъ къ городамъ, съ которыми ведутъ значительную мѣховую торговлю — вымѣнивая войлокъ, овецъ, лошадей на муку, деревянную и желѣзную посуду и предметы роскоши. Всѣхъ больше съ ними торговыхъ сношеній имѣютъ Оренбургъ, Троицкъ и Петропавловскъ. Сотни тысячъ овецъ каждый годъ закупаютъ наши купцы и рѣжутъ ихъ ради сала, которое отсылается за границу. Въ Екатеринбургѣ два раза въ годъ бываютъ ярмарки, на которыя приводятъ много сотенъ накупленныхъ въ степяхъ лошадей, особенно полезныхъ для обозовъ, по своей выносливости. Ихъ тоже много берутъ въ кавалерію.

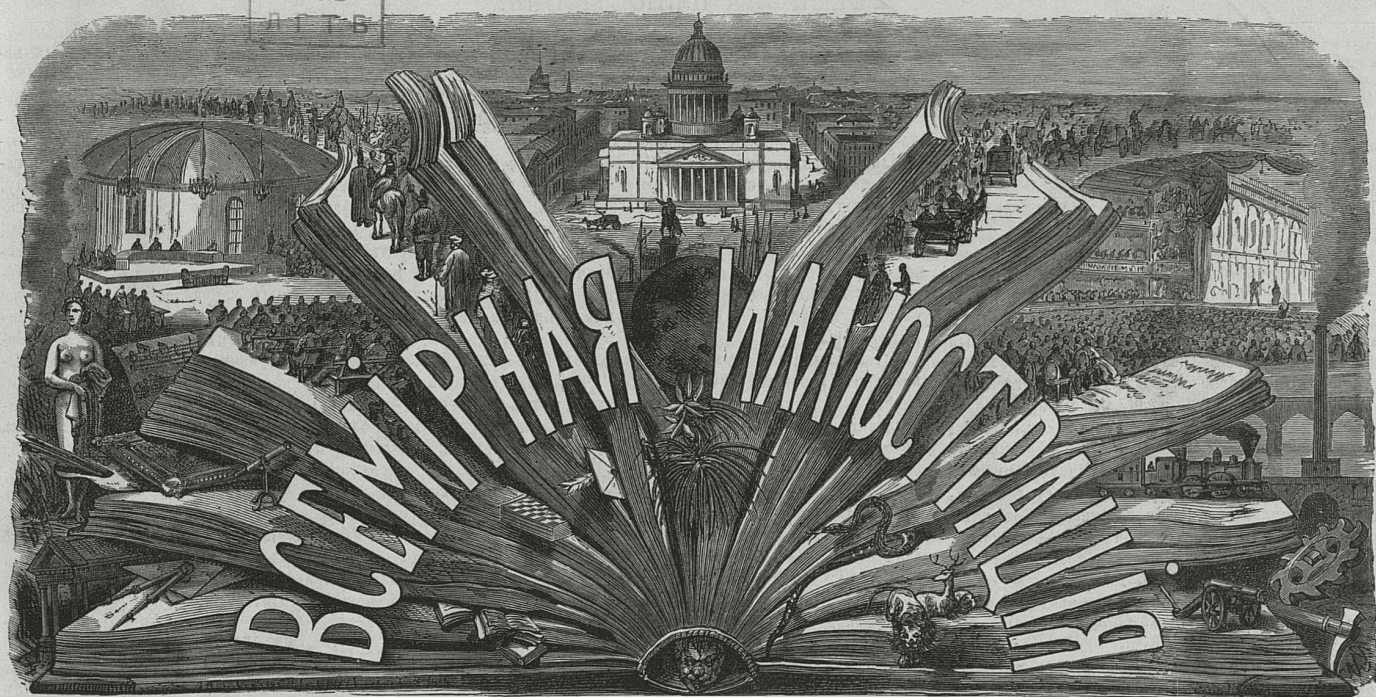
Кромѣ названныхъ городовъ, этотъ мѣховый торгъ производится и во всѣхъ маленькихъ острогахъ. Съ бухарской стороны главные центры его — Ташкентъ, Самаркандъ, Хива.

Политическое обозрѣніе.

Надежды на миръ, которыя возникли было при извѣстіи о переговорахъ, возложенныхъ на г. Жюль-Фавра, министра иностранныхъ дѣлъ французской республики, — не оправдались. Свиданіе его съ графомъ Бисмаркомъ происходило 20-го сентября въ прусской главной квартирѣ въ Ферьерѣ, замкѣ Ротшильда, близъ Парижа. Прусскій officialный отчетъ объ этомъ свиданіи еще не обнародованъ, а потому мы должны ограничиться изложеніемъ доклада г. Жюль Фавра, напечатаннаго во французскомъ «Journal Officiel». По порученію своего правительства, г. Жюль Фавръ черезъ посредство англійскаго посла во Франціи, лорда Лайонса, спросилъ графа Бисмарка, желаетъ ли онъ вступить съ нимъ въ переговоры, — на что получилъ отвѣтъ, что хотя нынѣшнее французское правительство не можетъ считаться правильнымъ, но переговоры могутъ быть начаты съ успѣхомъ, если оно представитъ достаточныя гарантіи въ исполненіи имѣющаго быть заключеннымъ трактата. При свиданіи съ графомъ Бисмаркомъ, г. Жюль Фавръ началъ съ заявленія, что Франція желаетъ мира, но что она твердо рѣшилась не принимать никакихъ условій, при которыхъ этотъ миръ былъ бы только ненадежнымъ перемиріемъ. На это графъ Бисмаркъ отвѣчалъ, что если бы онъ считалъ возможнымъ прочный миръ, то подписалъ бы его немедленно, — но что нынѣшнее французское правительство не въ состояніи поручиться за миръ, потому что если Парижъ не будетъ взятъ черезъ нѣсколько дней, то оно будетъ низвергнуто чернью; онъ утверждалъ, что Франція не забудетъ Седана, какъ она не забыла Ватерлоо и Садовой, и что она имѣетъ постоянное и непремѣнное желаніе произвести нападеніе на Германію. Возразивъ противъ такихъ заявленій своего собесѣдника, г. Жюль Фавръ просилъ его формулировать его требованія—и графъ

Бисмаркъ объявилъ, что безопасность Германіи требуетъ, чтобы за нею оставлены были департаменты, составляющіе Эльзасъ, а также Мозельскій департаментъ съ Мецомъ, Шато-Саленомъ и Суассономъ. Французскій министръ замѣтилъ, что Европа можетъ вступить при такихъ притязаніяхъ со стороны Пруссіи, и что во всякомъ случаѣ необходимо дать Франціи время созвать учредительное собраніе, которое представляло бы собою законную власть; — а такъ какъ графъ Бисмаркъ повидимому расположенъ былъ болѣе вести рѣчь о перемиріи, то г. Жюль Фавръ и предложилъ заключить такое на 15 дней. Условіями перемирія графъ Бисмаркъ поставилъ сдачу Туля, Фальсбурга и Страсбурга, а такъ какъ учредительное собраніе будетъ засѣдать въ Парижѣ, то онъ находилъ нужнымъ занять какой-нибудь парижскій фортъ, напримѣръ Монъ-Валеріанъ; когда же г. Жюль Фавръ сказалъ, что «въ такомъ случаѣ прощѣ было бы потребовать Парижъ», то графъ Бисмаркъ отвѣчалъ: «въ такомъ случаѣ поищемъ другой комбинаціи». Г. Жюль Фавръ предложилъ, что учредительное собраніе откроетъ свои засѣданія въ Турѣ, а потому никакого залога со стороны Парижа не потребуется; но такъ какъ союзный канцлеръ настаивалъ на сдачѣ Страсбурга, съ тѣмъ чтобы гарнизонъ этой крѣпости сдался военнопленнымъ, то французскій уполномоченный прервалъ переговоры. «21-го сентября—говоритъ г. Жюль Фавръ въ заключеніе своего доклада—я отправилъ ноту графу Бисмарку, объясняя ему, что правительство національной обороны не можетъ принять условій, которыя ему предлагаются для перемирія, — что мы сдѣлали все чтобы возстановить миръ между двумя націями, и что я надѣюсь на справедливость Божію, которая рѣшитъ нашу судьбу».

Условія перемирія, заключавшіяся въ сдачѣ Туля и

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССІИ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . 12 р.
съ доставкою . . 13 р. 50 к.
съ пересылкою . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева
и А. Ланга), безъ доставки . . 13 р.

II ГОДЪ, ТОМЪ III. № 58.
1 Января 1870 года.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ
еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа
въ 16 страницъ.

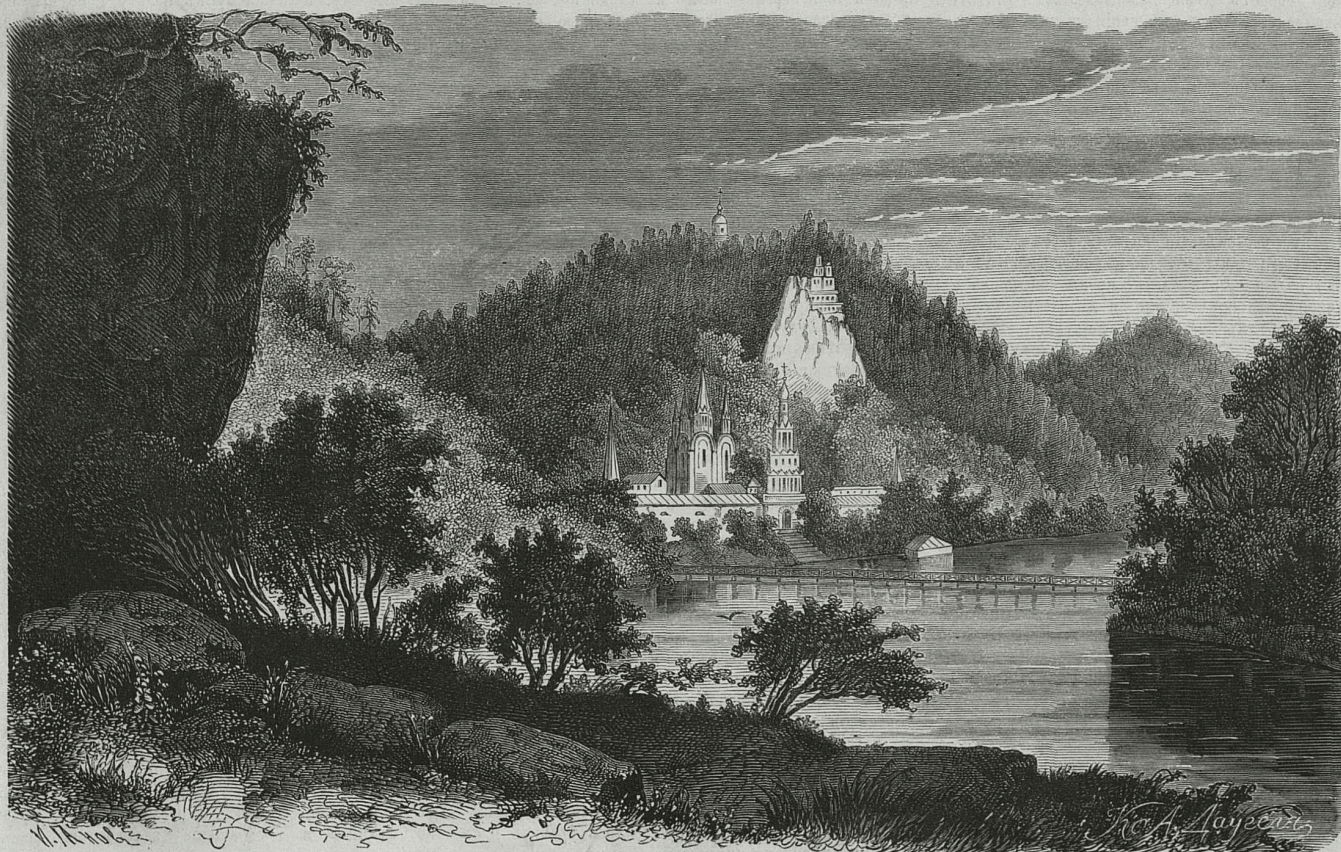
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:

1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ	16 р.
2. Австрія и Румынія	16 »
3. Бельгія, Швейцарія, Швеція и Сербія	17 »
4. Франція и Данія	19 »
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція	21 »
6. Италія и Римъ	19 »
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты	21 »

Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ читателямъ.—Западная жизнь.—Викторъ Бродскій.— Два слова о живописцахъ профессорѣ К. Верещагинѣ и художникѣ В. Верещагинѣ.— Старосѣвскіе духовные. Разсказъ.— Нападеніе киргизовъ на отрядъ барона Штемпеля.—Новости по морскому и военному дѣлу.—Корреспонденція изъ Казани.—Историческій дневникъ.—Русскій госпиталь въ Иерусалимѣ.—Древности, открытыя на югѣ Россіи.—Святогорскій Успенскій монастырь.—Зоологія.—Ботаника.—Астрономическій календарь.—Гербъ вел. княж. Финляндскаго.—Шахматный отдѣлъ.—Рѣшенія задачъ №№ 32, 33, 34 и 35.—Объявленія.

РИСУНКИ: Святогорская Успенская пустынь, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда.—Бѣгство изъ Помпей (Руда), мраморная группа В. П. Бродскаго.—«Удача» и «Неудача» картины В. Верещагина.—Юбилей ордена св. Георгія: Молебствіе и окропленіе святою водою ордена, въ Георгіевской залѣ Зимняго Дворца, 26 ноября 1869.—Послѣднее, 1869 года, киргизское возстаніе: Первая встрѣча отряда барона Штемпеля съ киргизами.—Иерусалимъ: 1) Видъ Иерусалима 1. 2) Новый русскій госпиталь; 3) Прусскій госпиталь (Diakonissen-Anstalt); 4) Видъ Иерусалима 2.—Древности, найденныя на югѣ Россіи.—Новый годъ, рисунокъ Н. Богданова.—Гербъ вел. княж. Финляндскаго.

Святогорская Успенская пустынь, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда.

(Съ рисунка нашего корреспондента В. Карпова, на деревѣ исполнилъ И. С. Пановъ; гравировалъ А. Даугель).

ной тѣнью, и кроткое выраженіе глазъ зажгнется блескомъ, неблаговиднымъ для его лица. И, подумаешь, что жизнь его вовсе не была полна ни добродѣтелями, ни трудами, ни вліяніемъ, какое бы онъ производилъ на другихъ, а между тѣмъ ни кого бы такъ, какъ отца Гавріила, не хотѣлось почтить титуломъ добродѣтельного старца. Припомнимъ всю жизнь его и подумаешь, что въ ней чего-то не доставало, что жизнь его чѣмъ-то не полна, и что это что-то очень многое. Счастья, кажется, отецъ Гавріилъ не искалъ въ жизни, да и она сложилась такимъ образомъ, что ему не нужно было ни цѣлей здѣшней жизни, ни удобствъ и пользы ея.

Я помню, какое теплорадостное чувство испытывалъ, когда, будучи уже юношей, на парѣ саврасенскихъ, въѣзжалъ въ село, гдѣ жилъ о. Гавріилъ. Особенно легкой радостью обдавало меня, когда я видѣлъ среди маленькихъ деревянныхъ домиковъ каменную церковь, за которую шла алая бережь, обозначавшая пробѣжную дорогу. Я радовался, глядя на обветшалые домики деревни, напоминающие старинное время; на мельницу, роптавшую подъ шумъ колесъ на небольшихъ докладахъ своихъ; радовался, глядя на разбѣгившія въ нѣкоторыхъ огородахъ липы, между тѣмъ какъ за ними виднѣлись полныя гряды овощей; глядя на тихое теченіе Тони, которая змѣєю обвила село и въ самой срединѣ его, ступилась и распрямилась, напирая запертыя воды свои на мельницу. Всего болѣе удивительной казалась мнѣ тишина этого села: привыкнувъ въ деревняхъ слышать лай собакъ, крикъ и смѣхъ ребятишекъ, русскія пѣсни деревенскихъ красавицъ, въ тактъ иногда тяжелою визгу идущаго обоза, — я много удивлялся, не встрѣчая здѣсь ничего подобнаго. Но не скажу, что подобная тишина, дававшая селу убогий видъ, досадовала меня; любящій русскій духъ, котораго проявленіе я подмѣчалъ и въ весельяхъ, удалыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, и въ молодечествѣ игръ, и въ самомъ положеніи деревенскихъ расказчиковъ, и въ замашкахъ толпящейся около нихъ молодежи, въѣзжая въ село, гдѣ жилъ о. Гавріилъ. Эта тишина села какъ бы впередъ говорила тебѣ о предстоящей тихой бесѣдѣ съ о. Гавріиломъ и о той мирной обстановкѣ, которая обязательно дѣйствовала на меня, словно топящаяся въ сумракѣ печь, въ то время, какъ между дико растущими въдалекѣ кустарниками слышались отдаленные звуки пѣсни... И вотъ противъ самой церкви колокольчикъ умолкаетъ, деревянный домикъ на каменномъ фундаментѣ предстаетъ предъ тобой во весь ростъ, со своей старинной крышей, по которой спокойно ходятъ голуби. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой встрѣчѣ съ моимъ предкомъ, я долженъ познакомить читателя съ обстановкой и тѣми впечатлѣніями, которыя я подучилъ въ домѣ о. Гавріила еще въ дѣтствѣ.

О. Гавріилъ давно живетъ въ этомъ старенькомъ домикѣ, въ которомъ жилъ и отецъ его, и дѣдъ, а потому подробное описаніе его дома полезно было бы для исторіи русской архитектуры, начало которой идетъ еще съ тѣхъ поръ, какъ стали на Руси мѣнять землянки и шалаши на грядицы и свѣтлицы. Но такъ какъ этотъ домъ старый и до сихъ поръ цѣлымъ, замѣнивъ неказистую и старую фizioномію свою нѣкоторыми поправками, надстройками и подстройками, то описаніе его было бы излишне даже и для исторіи архитектуры. Что мнѣ нравилось, и что я находилъ характернымъ въ этомъ домѣ, такъ это два старинныя, съ нѣсколькими ступенями, крыльца, съ дубовыми крышами, устроенными для того, чтобы какъ хозяйка, такъ и гости, здороваясь, не простудили открытыхъ головъ своихъ во время непогоды. Едва вашъ ямщикъ отворялъ со скрипомъ одну полу воротъ, какъ въ то же время трещала красная дверь благаго крыльца, и высовывалась съ восклицаніями голова Борисовны, старой кухарки, прислуживающей, съ давнихъ поръ, въ домѣ о. Гавріила. Послѣ всѣхъ этихъ, несомнѣнно приятныхъ, звуковъ, въ видѣ старца въ подбитомъ стеганомъ подрясникѣ, сходящаго съ крыльца, и при видѣ его кроткаго лица, едва только до вашего уха долетали первые звуки его мягкаго голоса, какъ въ эту, возбужденную въ душѣ вашей скрипомъ и свистомъ, дисгармонію мгновенно исчезала; вѣдуясь съ нимъ еще на крыльцѣ, въ чувствовали, что какое-то благодатное чувство, родня родственному, начинаетъ околдовывать васъ, успокаивая ваши тревожные помыслы. Въ комнатахъ, необитыхъ обоями, съ красными полами, вы, сяди въ тихой бесѣдѣ съ

о. Гавріиломъ, между тѣмъ, какъ изъ раствореннаго окна дышалъ ароматъ цвѣтущихъ яблонь и кустарниковъ, вы, чаруемые старинной, поражающей васъ во всемъ окружающемъ, получали то тихое и мирное удовольствіе, которое я такъ высоко цѣню.

Насколько противъ дома о. Гавріила, въ кругломъ большомъ домѣ, жилъ неразлучный спутникъ о. Гавріила и товарищъ его по службѣ — о. дяконъ, также старикъ лѣтами. Въ этихъ двухъ мужахъ сосредоточивался совершенно особый міръ, такъ непохожий на нынѣшній: ихъ слова, тонъ голоса, ихъ характеръ и молчаніе во-время, не оскорбляющее никого изъ собесѣдниковъ, отдѣляли ихъ отъ числа другихъ людей, другихъ стариковъ. О. дяконъ былъ нѣсколько потоньше и пониже о. Гавріила, и морщины имѣлъ поглубже и чаще. Но старческая и не много рябоватая фizioномія о. дякона, съ густыми еще волосами, не производила такого пріятнаго впечатлѣнія на первый разъ, какъ доброе лицо о. Гавріила. Послѣдній былъ выше ростомъ; волоса у него были длиннѣе, хотя и рѣже; за то прямая осанка и слова, мягкіе до музыкальности, дѣйствовали болѣе на вашу душу. Я помню: о. Гавріилъ ходилъ въ синемъ подрясникѣ, съ двумя пуговицами назадъ; о. дяконъ чаще носилъ красно-коричневую рясу, а подрясникъ подъ ней всегда былъ простого трико. О. дяконъ былъ характерна мягкотю: онъ боялся оскорбить другихъ; о. Гавріилу природа дала такое сердце, что онъ не могъ оскорбить другихъ, не нарушивъ гармоніи внутренняго своего духа. О. Гавріилъ любилъ все благословять и славить, и любоваться всѣмъ хорошимъ въ природѣ, поэтому постоянная поговорка его была: «Господь съ тобой! Господь благослови!» О. Дяконъ любилъ болѣе радоваться, и при восклицаніи выражать свое удовольствіе словами: «Господь-те встрѣчу!»

— Господь-те съ тобой! какъ ты запоздалъ сегодня, о. дяконъ, — скажетъ о. Гавріилъ, выпивъ рюмку водки.

— А, Господь-те въ встрѣчу! я и самъ обрадовался не мало, увидѣвшись съ тобой, о. Гавріилъ! отвѣтитъ простоудно о. дяконъ.

И такой дружественной лаской начиналось каждоедневное дружественное ихъ свиданіе.

II.

О. Гавріилъ и о. дяконъ вели обиходную жизнь. Но прежде, чѣмъ начать продолжать исторію жизни этихъ двухъ духовныхъ, я долженъ сказать, что о. Гавріила величали по отчеству Никоничемъ, а о. дякона Павломъ Ивановичемъ Рѣдниковымъ. Здѣсь же я позволю себѣ называть ихъ отцами, потому что ихъ иначе и не называли, да едва-ли въ селѣ и знали, какъ по имени зовутъ о. дякона. Самъ онъ себя не заявлялъ въ селѣ ничѣмъ: ни хорошимъ, ни дурнымъ, не обижался и не сердился, не приглашалъ и не ходилъ въ гости къ крестьянамъ, а извѣстно, что прихожане тогда только начинають звать по имени и отчеству своего дякона, когда много покороче сойдутся съ нимъ и будутъ доводить его кумами и сватами.

Павелъ Ивановичъ жилъ давно уже, какъ и о. Гавріилъ, одинокимъ вдовцомъ. Покойная жена его была характерная женщина, не по его совершенно складу характера, и, по силѣ своего предъ нимъ физическаго и нравственнаго преимущества, всегда держала его въ рукахъ. Но времени со смерти ея прошло много, такъ что самъ Павелъ Ивановичъ не вспоминалъ уже своей покойницы. Вдовствомъ и одинокую жизнь онъ былъ очень доволенъ. Изъ дѣтей, осталась отъ жены одна дочь, которая была собой некрасива, ничему не обучена и которую Павелъ Ивановичъ, при помощи одного добраго человека, постарался поскорѣе сбыть, выдавъ замужъ за городского мѣщанина. Этимъ добрымъ человекомъ и орудіемъ, управлявшимъ свадьбой, была дальняя родственница Павла Ивановича, пожилая женщина, которая жила въ его домѣ и завѣдывала его хозяйствомъ. Эта родственница была женщина набойная, во храмъ Божій ходила въ русскомъ сарафанѣ и ухаживала за Павломъ Ивановичемъ, какъ за ребенкомъ. Въ домѣ стояла тишина, а Павелъ Ивановичъ любилъ тишину, хотя о. Гавріилъ еще менѣе былъ разговорчивъ.

О. Гавріилъ тоже несъ давно вдовство; но жизнь его была какъ то сложнѣе обстоятельствами и разнообразнѣе. Онъ часто, въ бесѣдѣ съ Павломъ Ивановичемъ, любилъ вспоминать жену свою. При женѣ, онъ, говорятъ, былъ бодрѣе и красивѣе. Блѣдное лицо его горѣло тогда самымъ живымъ румянцемъ, разговоръ его тогда былъ продолжительнѣе

и громче. Невѣсту свою онъ увидалъ два раза въ церкви и съ сильнымъ жаромъ упрямивалъ родственниковъ своихъ ускорить свадьбу. Но въ старости онъ казался мнѣ почему-то прекраснѣе. Если бы кто спросилъ меня, въ какой періодъ рисовать портретъ о. Гавріила, я не задумываясь бы отвѣтилъ: рисуйте его старикомъ. А какъ шли сѣдины и морщины къ его лицу — чудю!

А это молчаніе, придающее солидность, смѣшанную съ такой безмолвно-говорящей добротой, какъ все это шло къ его росту и осанкѣ, прямой и красивой! Я любилъ этого старца.

Чтобъ утѣшить въ горести, причиненной утратой молодой жены, судьба вручила попеченію о. Гавріила сына, живой образъ покойницы, рожденіе котораго стоило жизни матери. О. Гавріилъ стесался, крушился, отчаявался, но, увидя оставленное его женой существо, улыбой и лицомъ похожее на мать, онъ скоро, какъ и всегда бываетъ, утѣшился. Съ ростомъ дитяти, росли и надежды его. О. Гавріилъ хотѣлъ самъ обучать маленькаго сына азбукѣ и чтенію псалтыря, но едва только онъ усадилъ его за букварь, какъ малютка, слабый и болѣзненный отъ рожденія, скончался. Хотя эта вторая утрата не такъ сильно, какъ первая, подѣйствовала на него, (ибо человекъ ко всему можетъ привыкнуть, — и къ кровавымъ утратамъ также), — но за то съ этихъ поръ онъ сдѣлался еще молчаливѣе и безучастнѣе къ жизни. Жизнь для него какъ будто потеряла всякую цѣнность и онъ сталъ дожидать дни спокойно, скоро свыкнувшись съ своимъ горемъ и привыкнувъ къ однообразію колѣсѣ своей.

Каждому изъ этихъ одинокихъ вдовцовъ порознь тяжело было бы дожидать свой вѣкъ, если бы благодѣтельная судьба не попеклась о нихъ, сведя ихъ вмѣстѣ и сдруживъ между собою. Въ привычкахъ, въ складѣ ума и образѣ ихъ жизни много было общаго между ними; но характеры были у нихъ различныя.

О. Гавріилъ и Павелъ Ивановичъ были религіозные люди: каждый воскресный день они оба вмѣстѣ служили обѣдню, а во дни поминовенія, панихиду на могилахъ. О. Гавріилъ служилъ мягко, тихо, гармонично, а о. дяконъ говорилъ эктеніи громко, съ удареніемъ, всегда попадая въ тактъ голосившему пономарю. О. Гавріилъ любилъ скромность и уединеніе, а Павелъ Ивановичъ любилъ торжественность и чтобъ свѣчѣй въ церкви горѣло больше.

Павелъ Ивановичъ любилъ видѣть, когда почки березъ распускались въ зеленые бутоны и еще болѣе заглядывался, когда мальчички въ бѣлѣшихъ клочкахъ становили деревенную мельницу. Павелъ Ивановичъ тогда бывало говорилъ о. Гавріилу: «А смотри, скоро скворчики прилетятъ!» Глѣздышко имъ надо изготвить, отвѣтитъ о. Гавріилъ. Оба они любили скворчичковъ и наступающую весну. Но природу они любили различно. О. Гавріилъ всегда любовался спѣлыми колосьями, представляющими волнующееся море и льющими золотой блескъ на солнцѣ; Павелъ же Ивановичъ срывалъ и развѣтывалъ одинъ изъ колосьевъ и по спѣющему зерну пророчилъ урожай. Если Павелъ Ивановичъ доводилъ до свѣдѣнія о. Гавріила свои наблюденія объ урожаѣ, то о. Гавріилъ при этомъ сочувственно произносилъ: «Ахъ, зачѣмъ урожай! Храни Господи и помилуй! Православнымъ нужно хлѣбушка!» О. Гавріилъ отворялъ окно, когда буря стихала въ воздухѣ, и уходящія тучи посылали глухіе раскаты грома, въ то время, какъ молнія освѣщала зѣйкой далекую часть горизонта. Павелъ же Ивановичъ любилъ идти безъ шляпы, когда рѣялъ мелкій дождикъ и сидѣлъ въ темномъ углу, когда слышался громъ. Но ни о. Гавріилъ, ни Павелъ Ивановичъ никогда не пили и не ѣли во все продолженіе грозы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ послѣдняго Киргизскаго возстанія.

Нападеніе на отрядъ барона Штемцеля вооруженныхъ шаекъ киргизъ, по дорогѣ отъ озера Джиты-Куль до урочища Казы-Бекъ на р. Уиль *).

Недавно въ одной изъ нашихъ газетъ, въ двухъ номерахъ, была напечатана, по поводу киргизскаго вопроса, передовая статья, въ концѣ которой помѣщался краткій очеркъ движеній нашихъ отрядовъ

*) Къ этой статьѣ слѣдуютъ нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ одинъ помѣщается въ настоящемъ номерѣ. Хотя дѣло барона Штемцеля происходило въ маѣ, но читатели, принявъ въ соображеніе разстояніе, поймутъ, что раньше мы не могли дать этихъ рисунковъ.

въ степи и, между прочимъ, нѣсколько словъ о дѣлѣ подполковника барона фонъ Штемпеля. Дѣло это, какъ единственное выражение сильной вооруженной оппозиціи большой массы киргизовъ, противъ введенія новыхъ положеній въ степи, не безинтересно для публики, не могшей изъ вышеупомянутой статьи, не совсѣмъ вѣрной истинѣ, вывести о немъ какого бы то ни было правительственнаго понятія, а потому этотъ очеркъ, написанный съ разсказа очевидца, имѣетъ цѣлью уяснить сущность дѣла.

Отрядъ барона фонъ-Штемпеля, состоявшій изъ одной роты пѣхоты, двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ и двухъ орудій, назначенный на Уильскую ярмарку *), выступилъ въ степь изъ Илецкаго городка въ началѣ мая.

Еще до выступления его, носились слухи, что киргизы намѣрены сдѣлать нападеніе на барона Штемпеля большою массою, а потому отрядъ шолъ со всевозможными предосторожностями. Походъ, на всемъ разстояніи до Казы-Бека, мѣста расположенія Уильской ярмарки, проишолъ благополучно и не доходя шестидесяти верстъ до мѣста, отрядъ встрѣтилъ только двухъ киргизовъ и одну киргизянку, которыхъ и захватилъ съ собой. 20-го мая отрядъ, находясь на разстояніи двухъ переходовъ до Казы-Бека, встрѣтилъ на дорогѣ двухъ киргизовъ, Байжазыка и Курпелдиса, которые просили допустить ихъ къ начальнику. Баронъ Штемпель приказалъ привести Байжазыка, который имѣлъ отъ правительства медаль, за усердную службу, и былъ строгаемъ ярмарки на Уиль.

Байжазыкъ сообщилъ барону Штемпелю, что собравшіеся недалеко киргизы желаютъ принять новыя положенія и заплатить кибиточный сборъ, и что если между ними есть несогласные на это, то и тѣ не замедлятъ подчиниться требованіямъ закона, и къ этому присоединилъ просьбу — дозволить депутатамъ всѣхъ родовъ собраться къ началу отряда для переговоровъ, а чтобы они не могли сомнѣваться при этомъ въ своей безопасности, выпустить захваченныхъ по дорогѣ двухъ киргизовъ и киргизянку. Баронъ Штемпель охотно на это согласился, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не оказывали никакого сопротивленія.

Байжазыкъ, захвативши плѣнныхъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Курпелдисомъ, а отрядъ двинулся далѣе; но не прошло и часу, какъ со всѣхъ сторонъ сразу появились огромныя массы вооруженныхъ киргизовъ, часть которыхъ съ неистовымъ крикомъ бросилась на хвостъ обоза.

Нужно замѣтить, что киргизы выбрали чрезвычайно удачный моментъ атаки: степь въ этомъ мѣстѣ представляла видъ котловины, обращенной командующими возвышенностями, и когда весь отрядъ втиснулся въ нее, то былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

При отрядѣ находился очень большой воловій обозъ; движеніе его вообще медленно, а сильныя жары, которые въ это время наступали, до такой степени увеличили его растянutosть, что киргизамъ совершенно безвѣдомо удалось отбить 16 подводъ.

Баронъ Штемпель вызвалъ артилерію на позицію, но стрѣлять положительно не было возможности, не повредивъ своему арьергарду, который въ это время спѣшилъ присоединиться къ главнымъ силамъ.

Киргизы, выпративъ воловъ, угнали ихъ назадъ, а небольшая горсть ихъ, оставшаяся при подводахъ, убилъ двухъ казаковъ подводчиковъ; такая же опасность угрожала двумъ другимъ, но на помощь къ нимъ въ это время бросился храбрый сотникъ уральскаго казачьяго войска Свѣчкиновъ; онъ изъ револьвера убилъ трехъ киргизовъ, — остальные спаслись бѣгствомъ.

Между тѣмъ отрядъ въ это время успѣлъ ужъ стянуться; устройвъ изъ повозокъ каре, внутри котораго помѣстились загнанные волаы и лошади, а по фасамамъ распредѣлились люди, баронъ Штемпель готовился къ упорной оборонѣ.

Киргизы на этотъ разъ не повторили атаки, а только окруживши отрядъ со всѣхъ сторонъ, въ разстояніи двухъ верстъ отъ него остановились, выдѣливши изъ своей массы отдѣльныхъ наѣздивиковъ (батарей).

Нужно отдать полную справедливость неустрашимости этихъ немногихъ дикихъ удалцовъ, совсѣмъ не гармонирующей съ тою непостижимою трусостью, которую оказывала въ это время громадная масса вооруженныхъ киргизовъ, окружившая нашъ отрядъ.

Подскакивая на разстояніи 30 шаговъ къ фасамамъ каре, и производя, по пути, необыкновенныя эволюціи, исключавшія возможность вѣрныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны, они дѣлали выстрѣлы изъ своего драннаго ружья и, осыпаясь нашими пулями и бранью солдатъ, бросаясь на сѣдла вверхъ ногами, съ хохотомъ улетали къ своимъ, не оставляя почти ни одного тѣла жертвой своего фанатическаго неистовства *).

Баронъ Штемпель видя, что пули наши тратятся даромъ, запретилъ стрѣлять по отдѣльнымъ всадникамъ.

Окружавшая-же масса киргизовъ не переставала издавать самый ужасный ревъ и подъ конецъ стала отбѣгать отъ себя отряды для атаки, но два-три выстрѣла картечной гранаты прекратили ихъ въ самомъ ихъ началѣ. Стало смеркаться и окружающія массы киргизовъ скрылись, оставивши отрядъ нашъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи новаго нападенія.

Вся ночь однако прошла спокойно и на другой день рано утромъ баронъ Штемпель двинулся по направленію къ озеру Джигитъ-Куль, но не дойдя до него 3 верстъ, отрядъ снова былъ атакованъ тою-же массою киргизовъ, которая усиленными нападеніями со всѣхъ сторонъ, заставила его остановиться.

День былъ необыкновенно жаркій и дальнѣйшее движеніе отряда впередъ, не напоминая вольевъ, дѣлалось положительно невозможнымъ, а киргизы между тѣмъ съ особеннымъ упорствомъ отставали доступъ къ озеру и едва только появлялся въ каре проходъ для выкупа скота на водопой, они стремительно бросались впередъ, угрожая отбить его. Баронъ Штемпель приказалъ рыть колодезь внутри каре, но труды эти пропадали даромъ; вырытый болѣе чѣмъ на сажень, грунтъ не обнаруживалъ и признаковъ воды.

Положеніе отряда дѣлалось крайне критическимъ: положительное отсутствіе воды отнимало возможность дальнѣйшаго движенія транспорта; извѣстія о другихъ отрядахъ не было, слѣдовательно помощи ожидать было неоткуда; съѣстные припасы приходили къ концу и сухарей оставалось не болѣе какъ на 5 или 6 дней, а до перваго населеннаго пункта, Калмыковскаго форпоста, оставалось болѣе 200 верстъ. Двое чабаровъ, (киргизовъ, хорошо знакомыхъ со степью и сумавшихъ въ отрядѣхъ для посылокъ) посланы были изъ отряда, — одинъ къ военному губернатору уральской области, а другой въ ближайшій отрядъ подполковника Рукина, но ни одинъ изъ нихъ не возвратился назадъ.

Нужно было во что бы то ни стало подойти къ водѣ и баронъ Штемпель, выждавъ время, когда атаки киргизовъ стали утихать, направился къ озеру. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ отрядъ двигался въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ стоялъ на мѣстѣ: т. е. обозъ продолжалъ сохранять форму каре, по фасамамъ котораго солдаты и сѣнные казаки отстрѣливались по пути. Какъ-же отрядъ удалось подойти къ озеру. На другой день баронъ Штемпель думалъ двинуться къ Джаманъ-Сай, но тутъ киргизы изобрѣли новый способъ нападенія, замѣчательный по своей безпослѣдственности для атакующихъ и обидный въ употребленіи ни въ одной изъ европейскихъ войнъ. На разсвѣтъ отрядъ нашъ замѣтилъ множество отдѣльныхъ всадниковъ, къ хвостамъ лошадей которыхъ были привязаны большія конныя сѣна, собранныя киргизами въ окрестностяхъ озера. Эти конныя складывались въ разныхъ мѣстахъ и когда сѣна собрано было достаточное количество, оно было зажжено: киргизы хотѣли сжечь отрядъ и воспользовались попутнымъ вѣтромъ, чтобы привести въ исполненіе эту операцію.

Отрядъ тотчасъ-же принялъ мѣры предосторожности и, выкопавъ вокругъ каре небольшой ровикъ, выложивъ внутреннюю его сторону кошками, снятыми со стѣнокъ юлаемекъ, (родъ стѣнной кибитки, замѣняющей для отряда наши палатки). Къ счастью, въ это время вѣтеръ перевернулся направленіе и пламя и дымъ повернулись на самихъ-же киргизовъ.

Видя безуспѣшность этой воинственной попытки, киргизы снова обратились къ своимъ крикливымъ атакамъ, и если отрядъ при этихъ условіяхъ наканунѣ сдѣлалъ 2 съ половиной версты, то конецъ перехода, ни въ какомъ случаѣ въ этотъ день не могъ пройти отъ 18 до 20 верстъ — цѣлый переходъ до рѣки Джаманъ-Сай, обороняясь все время

отъ ежеминутныхъ атакъ; въ особенности, если къ этому присовокупить крайнее утомленіе людей, которымъ въ продолженіи цѣлой ночи строго запрещено было покидать свои мѣста на фасахъ каре. Всѣ эти и слѣдующія сутки отрядъ, непрерывно отстрѣливаясь, простоялъ на мѣстѣ. На третій день жара уменьшилась и немного отдохнувшій отрядъ двинулся на Джаманъ-Сай, провожаемый все время вооруженной массою, которая, кромѣ своихъ атакъ, пользовалась каждымъ попутнымъ вѣтромъ по направленію къ нашей колоннѣ, чтобы зажечь траву и тѣмъ истребить отрядъ при помощи сильнаго натиска, въ случаѣ появленія въ немъ отъ огня замѣшательства и безпорядка.

На Джаманъ-Сай киргизы опять сдѣлали нападеніе, которое началось въ 5 часовъ вечера и окончилось въ 11^{1/2} ночи. Въ теченіи этихъ 6^{1/2} часовъ толпы киргизовъ ни на минуту не давали отдыха нашему отряду и удалились только тогда, когда совсѣмъ стемнѣло.

На слѣдующій день, 24 мая, отрядъ направился на рѣку Уиль, къ урочищу Казы-Бекъ и провожающіе его все время киргизы согласились наконецъ на рѣшительный ударъ; громадная масса ихъ, отбѣлсившись, смѣло бросилась въ атаку, но находившійся при одномъ изъ нашихъ орудій фейерверкеру Саватову удалось послать очень мѣткій выстрѣлъ картечной гранаты, которая, попавъ въ самую средину атакующихъ киргизовъ, произвела въ нихъ ужасную суматоху. Этотъ выстрѣлъ положилъ предѣлъ воинственнымъ предпріятіямъ бунтующихъ киргизовъ и они, скрывшись, на этотъ разъ болѣе не показывались. Такъ какъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ безпорядковъ, въ окрестностяхъ Казы-Бека, ярмарки на Уиль быть не могло, то отрядъ нашъ остался безъ провіанта въ 180 верстахъ отъ Калмыкова.

Отрядный адъютантъ, хорунжій Бардинъ, получивъ разрѣшеніе отъ подполковника барона Штемпеля отправиться въ г. Уральскъ — извѣстить губернатора о положеніи отряда, не дожидаясь Калмыковскаго форпоста, былъ захваченъ киргизами, вмѣстѣ съ провожавшими его чабарами, и зарѣзанъ.

Не получая никакихъ извѣстій, баронъ Штемпель двинулся въ Калмыково и дошелъ до этого форпоста въ 6 дней, не встрѣтивъ ни одного киргиза.

Участвовавшіе въ дѣлѣ подъ Джаманъ-Саемъ киргизы, говорили послѣ, что ихъ было до 20 тысячъ и навьюно утверждали, что если имъ и не удалось одержать побѣду надъ барономъ Штемпелемъ, то только потому, что онъ раньше ихъ выспросилъ себя у Бога побѣду и что пророкъ — наказалъ ихъ за позднюю молитву.

Н. Ф.

Новости по военному и морскому дѣлу.

Въ послѣдней книжкѣ «Journal of the Royal United Service Institution» помѣщена статья г. Мокки «объ оборонительныхъ средствахъ Великобританіи». Въ статьѣ этой г. Мокки разбирается предложеніе капитана Миди, объ устройствѣ пловучаго форта для обороны береговъ и гаваней. Статья эта возбуждала живые толки, какъ между англійскими моряками, такъ и между инженерами. Сущность предложенія г. Миди состоитъ въ слѣдующемъ: для достиженія болѣе высокой подвижности въ оборонѣ, а также для избѣжанія издержекъ, требующихъ устройствомъ дорого стоящаго основанія морскихъ фортовъ, г. Миди предлагаетъ устраивать пловучіе броненосные форты. Проектируемый имъ фортъ состоитъ изъ плоскостнаго крестообразнаго судна, съ закругленными углами. Длина каждой крестовины равна 180 футамъ. Фортъ покрытъ крышею, наклоненною къ горизонту, подъ угломъ въ 19 градусовъ. Стѣны форта также наклонены къ горизонту и составляютъ съ нимъ уголъ въ 22 градуса. Вслѣдствіе этого соединеніе подводной и надводной части форта составляетъ уголъ въ 41 градусъ. Какъ крыша, такъ и корпусъ его покрыты шестидюймовой броней. Уголъ, образуемый отъ соединенія крыши съ корпусомъ форта, остеръ какъ ножъ и можетъ повредить любое судно, которое бы захотѣло нанести ему ударъ широкимъ. Возвышеніе этого острого ребра надъ водою, равно одному футу. Сверхъ крыши, г. Миди предлагаетъ установить куполообразный круглый казематъ, покрытый девятидюймовою броней. Диаметръ каземата равенъ 114 футамъ. Въ казематѣ предполагается помѣщать восемь 600 фунтовыхъ орудій, вращающихся около дула. Для обезпеченія отъ потопленія, внутренность форта раздѣлена на девять непроницаемыхъ для воды отдѣловъ. На фортѣ предполагается устроить гидравлическій двигатель и установить машину въ 200 силъ. — Скорость хода форта равна шести узламъ.

— Страшная дѣйствительность и быстрота нынѣшняго ружейнаго огня, заставила обратиться къ изысканію средствъ для легчайшаго укрытія войскъ. Вслѣдствіе этого во всѣхъ арміяхъ занялись усиленно обученіемъ даже и линейной пѣхоты устройствъ легкихъ окоповъ. Съ этою цѣлью капитанъ датской службы Лиеманъ, предложилъ закаленный стальной заступъ, длиной 22 дюйма и въсомъ въ 1^{1/2} фунта. Употребляя для рытья этотъ заступъ, войска, какъ уже испытано, могутъ легко

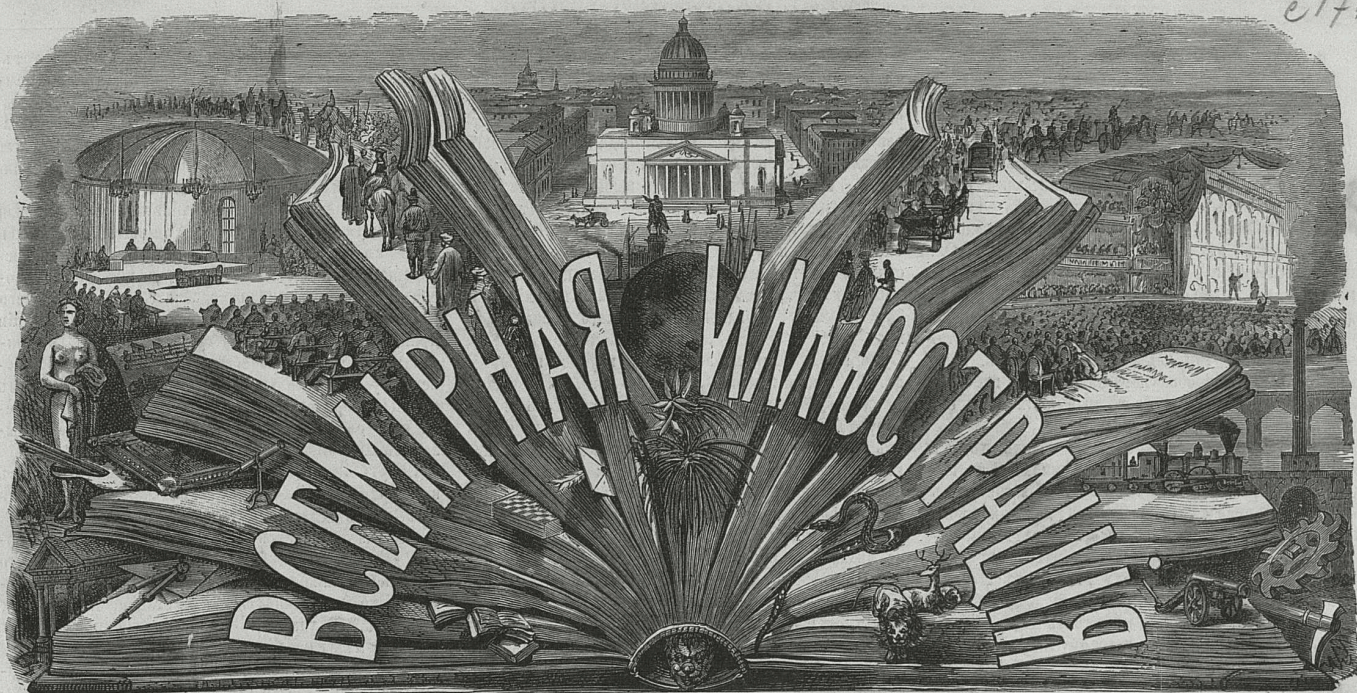
*) На рѣкѣ Уиль, въ 4-хъ верстахъ отъ урочища Казы-

*) Только одинъ джигитъ былъ убитъ пулей, попавшей ему въ глазъ — ровно въ 15 шагахъ отъ фаса каре.

Последнее, 1869 года, Киргизское возмуніе: Первая встреча отряда Барона Штемпеля съ Киргизами.
(Съ рисунка нашего корреспондента М. Федорова, рисовавъ на деревѣ П. Ө. Борель; гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.)

прошел сиф
с 17 м 25 10.

10 ГОДЪ, ТОМЪ III. № 54.
10 Января 1870 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . 12 р.
съ доставкой . . 13 р. 50 к.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева
и А. Ланга), безъ доставки . . 13 р.

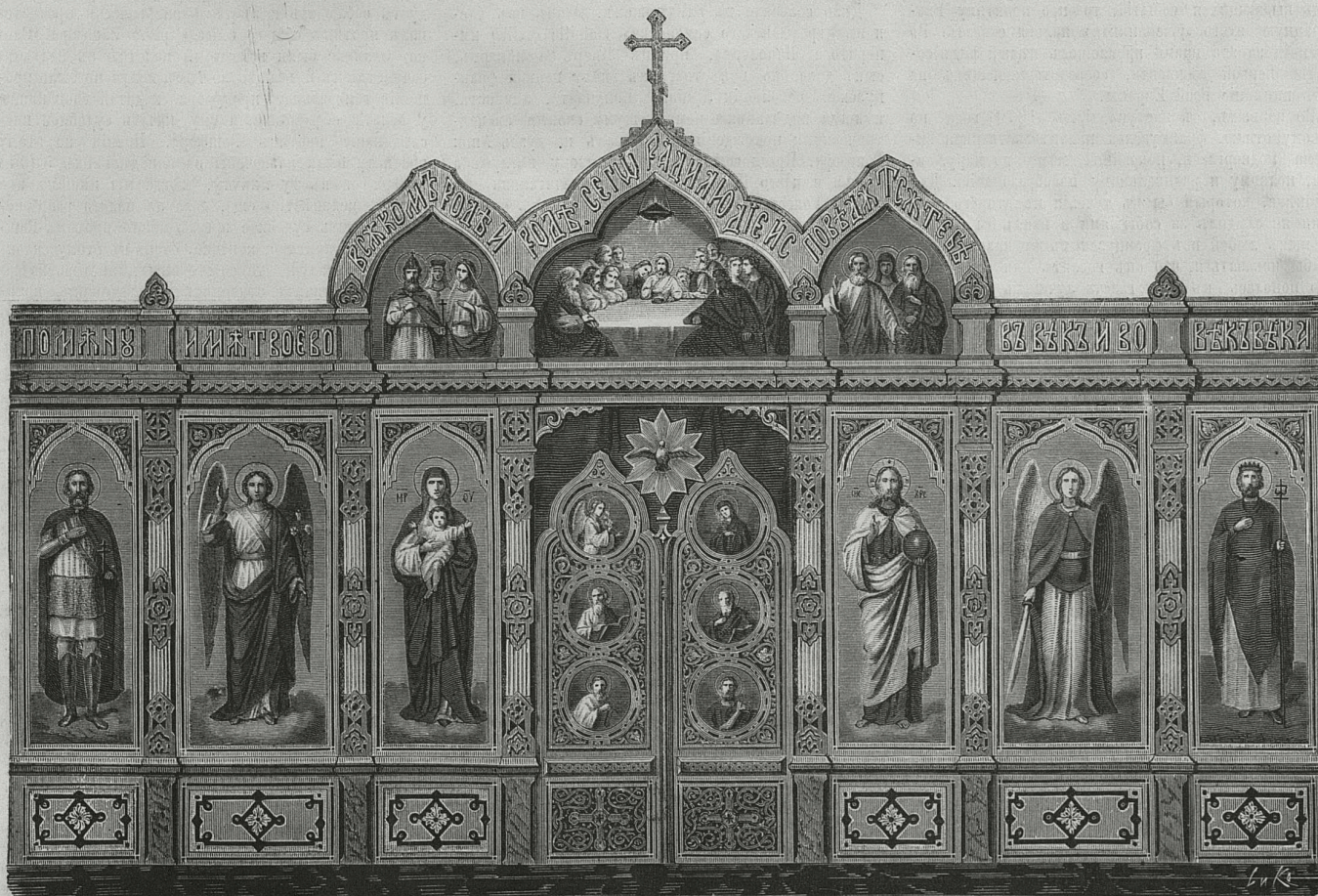
Журналъ ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ
еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа
въ 16 страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
1. Пруссія и Германія. Почтовый союзъ . . . 16 р.
2. Австрія и Румынія . . . 16 »
3. Бельгія, Швейцарія, Швеція и Сербія . . . 17 »
4. Франція и Данія . . . 19 »
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція . . . 21 »
6. Италія и Римъ . . . 19 »
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты . . . 21 »

2. — Главная контора редакціи „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ (Тернана Гонне) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутреннія и вѣншія политика. — Иконостаѣ въ церковь г. Вѣрнаго (Семирѣченской области). — Результаты переписи Петербурга 10 декабря. — Новости наукъ и цивилизаціи. — Археологическая находка въ Харьковѣ. — Открытіе Суэзскаго канала (корреспонденція «Всем. Иллюстр.»). — «Старосвѣтскіе духовные». Рассказъ (Продолженіе). — Корреспонденція изъ Праги. — XX миимо-вселенскій соборъ въ Римѣ. — Съ Мстинскаго моста (журесп. «Всем. Иллюстр.»). — Новости изъ далека. — Историческій дневникъ. — Шахматная задача № 37. — Почтовый ящикъ. — Гербъ кн. Меншиковыхъ. — Объявленія.

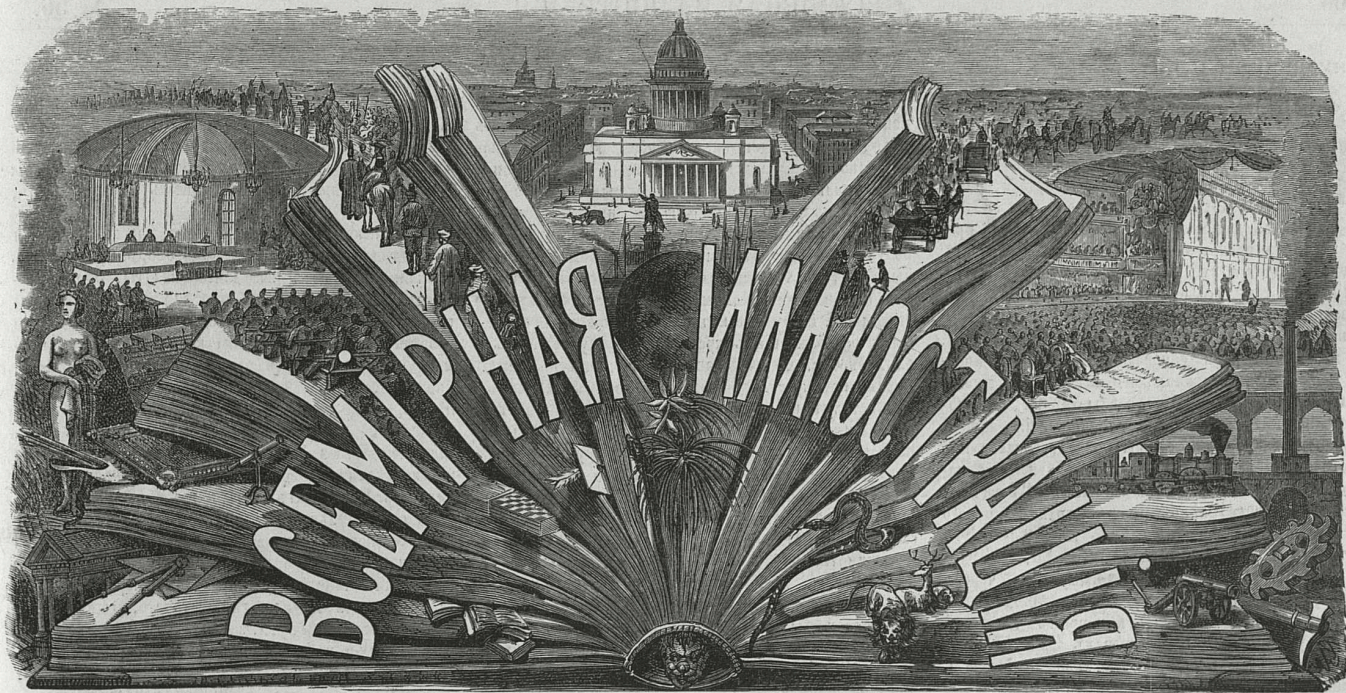
РИСУНКИ: Иконостаѣ церкви г. Вѣрнаго. — Древности: камень, найденный близъ Харькова. — Открытіе Суэзскаго канала: 1) Церемонія открытія; 2) Проѣздъ Императрицы французовъ въ Оивы; Посѣщеніе гробовъ Египетскихъ царей; 3) Русская эскадра входитъ въ каналъ. — Папа Пій IX. — Западный входъ на соборную эстраду въ церкви Св. Петра въ Римѣ. — Состояніе работъ на Мстинскомъ мостѣ, утроемъ 31 декабря 1869 г. — Гербъ Кн. Меншиковыхъ.

Иконостаѣ церкви г. Вѣрнаго (Семирѣченской области), работы академика В. В. Васильева.
(Рис. на деревѣ А. О. Адамовъ; гравир. Л. А. Сѣраковъ).

Последнее 1869 г. Киргизское возстаніе: Вторая встреча отряда барона Штемпеля съ Киргизами.
(Съ рисунка нашего корреспондента, М. Федорова, рис. на деревѣ П. Ф. Борель, гравир. Л. А. Сѣряковъ).

ПОДПИСНА ЦІНА НА ГОДЪ ВЪ РОССІИ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . 12 р.
 съ доставкою . . 13 » 50 к.
 съ пересылкою . . 15 » *)
 *) (Изъ этой суммы 1 р. 80 к. за пер. и 1 р. 20 к. за у пак.)
 Въ Москвѣ 13 »

И ГОДЪ, ТОМЪ III. № 56.

24 Января 1870 года.

Журналъ ВСЕМІРНА ІЛЛЮСТРАЦІЯ виходить
 еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа
 въ 16 страницъ.

ПОДПИСНА ЦІНА НА ГОДЪ ЗАГРANIЦЕЮ:

1. Пруссія и Гамбург. Почтовый союз	16 р.
2. Австрія и Румынія	16 »
3. Бельгія, Швейцарія, Швеція и Сербія	17 »
4. Франція и Данія	19 »
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція	21 »
6. Италія и Римъ	19 »
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты	21 »

4. — Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ІЛЛЮСТРАЦІИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика. — Рождественская сѣлка въ Петербургскомъ собраніи художниковъ. — Разныя извѣстія. — Джонъ Стюартъ Милль. — М. И. Доброхотовъ †. — Мнимо-вселенскій соборъ въ Римѣ (Окончаніе). — Международная художественная выставка въ Мюнхенѣ. — Историческій дневникъ. — Новости по морскому и военному дѣлу. — Новости науки и цивилизаціи. — Некрологи. — Астрономическій календарь. — Шахматы. — Гербъ бывшаго царства Грузинскаго. — Отъ Редакціи. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: С.-Петербургъ: Елка въ клубѣ художниковъ. — Джонъ Стюартъ Милль. — С.-Петербургъ: Дѣтскій маскарадъ въ клубѣ художниковъ. — М. И. Доброхотовъ † — Римъ: Мнимо-вселенскій соборъ: 1) Папа, принимающій на аудіенціи членовъ Собора. 2) Церемонія открытія собора въ церкви Св. Петра. — Послѣднее 1869 года киргизское возстаніе: 1) Русское войско въ степи. 2) Депутация киргизовъ, приносящая повинную начальнику русскаго войска. 3) Амаздыкъ, убійца поручика Бородинъ. — Гербъ бывшаго царства Грузинскаго.

С.-Петербургъ: Елка въ клубѣ художниковъ.

(Съ наброска Н. А. Богданова, рисовалъ на деревѣ К. А. Брожъ; грав. Л. А. Сѣряковъ).

Последнее, 1869 года, киргизское возстаніе: Депутация киргизовъ, приносящая повинную начальнику русского войска.

(Съ рисунка нашего корреспондента М. Федорова, рис. на дер. П. Ф. Горла, гравир. Л. А. Съяковъ).

Археологія.

Въ декабрь мѣсяцъ прошлаго года на островѣ Борнгольмъ, близъ Сандегарде, найдено нѣсколько золотыхъ вещей, а именно: 4 монеты, изъ которыхъ три времени Льва I императора византийскаго (457—474), четвертая времени императора Феодосія II (408—450), всѣ эти монеты Константинопольскаго чекана; три золотыя кольца, нѣсколько золотыхъ согнутыхъ прутьевъ, служившихъ вѣкогда вмѣсто монеты. Кромѣ того найдены обрубленный кусокъ нагрудника, съ пре-

восходными украшеніями, небольшая конусообразная пуговица и два небольшихъ слитка золота. Всѣ эти предметы лежали на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина отъ поверхности земли.

— Мы получили изъ вѣрнаго источника извѣстіе о поднесеніи Государю Императору альбома памятникъ святымъ Сѣвероамериканнаго края. Оригинальные рисунки, въ составленіи которыхъ принималъ непосредственное участіе нашъ талантливый художникъ И. П. Трутневъ, — останутся у Его Императорскаго Величества, а снимки съ нихъ войдутъ въ хромо-литографическое изданіе, исключительно назначаемое для

ученыхъ обществъ и библіотекъ. Средства на него даетъ правительство, равно и на литографическое простое изданіе для публики, которое положено продавать по сходной цѣнѣ. Въ числѣ главнѣйшихъ и наиболѣе важныхъ для края изображеній, войдутъ: митрополитальный соборъ въ Вильнѣ, тамъ же открытая въ 1843 году пещера св. виленьскихъ мучениковъ, икона Одигитрія, которую благословилъ Іоаннъ III свою несчастную дочь княжну Елену, отправляя ее въ Вильну, для вступленія въ бракъ съ королемъ Польши и Литвы — Александромъ. Также вѣрный снимокъ съ Остробрамской иконы, всегда принадлежавшей

Последнее, 1869 года, киргизское возстаніе: Амандикъ, убійца поручика Бородина.

(Съ рисунга нашего корреспондента М. Федорова, рис. на деревѣ П. Ф. Марковъ, грав. Л. А. Свряковъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

✎ Редакция «Всем. Иллюстраціи» обращается къ публикѣ и къ своимъ подписчикамъ въ особенности, съ покорнѣйшею просьбою не оставить ее присылкою сообщеній и рисунковъ (хотя-бы въ самыхъ легкихъ наброскахъ) замѣчательныхъ мѣстностей, памятниковъ, портретовъ, сценъ, празднествъ, костюмовъ и проч. и проч. Только благодаря просвѣщенному вниманію читателей нашихъ и публики, къ вышеизложенной просьбѣ, мы можемъ быть поставлены въ возможность исполнить нашу трудную и разнообразную программу.

✎ Прося этой услуги, редакция считаетъ въ правѣ принять на себя исполненіе слѣдующаго, новаго обязательства.—Имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ законовѣденія, хозяйства, естествовѣденія, политехники и пр., редакция будетъ готова отвѣчать своимъ подписчикамъ на вопросы, обращаемые къ ней, и касающіеся этихъ, и другихъ, отдѣловъ. Отвѣты и разъясненія будутъ по-мѣщаться въ почтовомъ ящикѣ.

11 октября 1875 года.

Санкт-Петербургская
Театральная
библиотека
sptl.spb.ru

ляндю на верхнем выступе пьедестала, окружая собою подножие конной статуи святого Георгия (работы художника Лансера), закаляющего дракона. Фигура коня, отшатнувшегося от поверженного чудовища, — сделана превосходно. Что касается статуи Победоносца, она дышит легкостью посадки и красотой драпировки туники и плаща.

Инициатива этой группы принадлежит нынешнему председателю дворянства Московской губернии, графу А. В. Бобринскому, а выполнение из серебра — П. А. Овчинникову.

При этом подношении, уважаемый юбиляр обратился к представителям дворянства с следующими, глубоко прочувствованными словами: «Дарь ваш я сохранил всю мою жизнь, как одно из самых дорогих воспоминаний моего служебного поприща, и передаю его моим потомкам, чтобы они сохранили его из рода в род, как драгоценный памятник доброго внимания достопочтенного московского дворянства к их предку».

Ж.

Серебряные жбанъ и плато, работы Хлѣбникова, поднесенные князю В. А. Долгорукову, въ день его юбилея.

Жбанъ имѣетъ форму обыкновенной кружки съ плоскою крышкою, украшенною группою всадника, закаляющего дракона (гербъ г. Москвы). Магное серебро этой группы эффектно оттеняется золотистымъ фономъ жбана, на которомъ помѣщенъ эмальированный гербъ князей Долгоруковыхъ, окруженный изящной виньеткой герцоуэ. Стѣнки жбана сдѣланы какъ бы изъ гладко-отполированныхъ драгоцѣнныхъ миніатюрными гвоздиками, окружающими постаментъ и ободокъ нѣсколько расширяющагося резервуара. Жбанъ окруженъ снизу призматическимъ пьедесталомъ, помѣщающимся на плато, на бордюрь котораго находится слѣдующая надпись: «Князю Владиміру Андреевичу Долгорукову отъ московскаго жандармскаго управления и дивизіона 1865—30 августа—1875 г.г.»; въ срединѣ — шифръ князя В. А. Долгорукова, осыянный княжескою короною. Шифръ этотъ выдержанъ въ титуловомъ славянскомъ стилѣ. Въ ансамблѣ, жбанъ и плато (работы придворнаго фабриканта Хлѣбникова) — замѣчательны по изящному подбору колеровъ эмали и гармоніи своихъ составныхъ частей.

При поднесеніи жбана и плато, жандармское управление привѣтствовало юбиляра слѣдующей рѣчью: «Сегодня минуло десять лѣтъ, когда, волею нашего Августѣйшаго Монарха, вы были назначены главнымъ начальникомъ первопрестольной столицы. Всѣ учрежденія, всѣ сословія въ Москвѣ стремятся, въ этотъ день, выразить вашему сіятельству чувства уваженія и благодарности къ понесеннымъ трудамъ и заботамъ вашимъ на пользу и преуспѣяніе столицы. Мы, служащіе въ корпусѣ жандармовъ, были изъ первыхъ, тогда, удостоены благосклоннымъ вниманіемъ вашего сіятельства и, затѣмъ, въ продолженіи десяти лѣтъ постоянно руководимые и поддерживаемые вашими совѣтами и высокими содѣйствіемъ, достигли лучшихъ цѣлей, предначертанныхъ въ нашей службѣ. И потому позволяете намъ, выражая вашему сіятельству въ этотъ день чувство глубокаго уваженія, покорнѣе просить удостоить принять отъ насъ, въ память искренней нашей преданности, русскій жбанъ съ блюдомъ — какъ эмблему истиннаго русскаго хлѣбосольства вашего сіятельства, которымъ вы такъ часто и насъ удостоивали».

Б.

Война съ Коканомъ. Вторженіе коканцевъ въ наши предѣлы и разбитіе ихъ. Битва подъ Махрамомъ.

(Окончаніе).

Ободренные отступленіемъ Худояръ-хана и нашего посольства къ Ходженту, коканцы

рѣшили вторгнуться въ наши предѣлы. 8-го августа коканскія партіи перешли на правый берегъ Сырь-Дарьи и заняли селеніе Кумгара въ Кураминскомъ уѣздѣ, а на слѣдующій день незначительная шайка непріятелей явилась на ходжентскихъ огородахъ, но была прогнана мѣстной командой.

Вскорѣ послѣ этого столкновенья, огромныя массы коканскихъ войскъ атаковали Ходжентъ съ трехъ сторонъ: отъ садовъ, лежащихъ на пути въ Коканъ, отъ селенія Самгаръ и отъ Наусскихъ воротъ. Нападеніе это на всѣхъ пунктахъ было отбито. Къ вечеру явились въ городъ 14 человекъ со стекляннаго завода купца Исаева, въ 12 верстахъ отъ Ходжента. Заводъ этотъ былъ окруженъ шайкою коканцевъ человекъ въ 300, но рабочіе наши, запершись въ одной изъ жилыхъ комнатъ, храбро защищались до 5 часовъ вечера, а потомъ, когда строенія были зажжены, выскочили изъ оконъ и пробились сквозь непріятеля.

10 августа коканцы завели перестрѣлку съ отрядомъ полковника Савримовича, стоявшимъ у садовъ по коканской дорогѣ. Въ тотъ-же день прибыли въ Ходжентъ одна рота, 2 батальона и штабъ. На слѣдующій день, на правомъ берегу Сырь-Дарьи снова показались многочисленныя толпы непріятеля, но посланный противъ него двѣ роты заставили его отступить. 12 числа было рѣшено произвести рѣшительное наступленіе на селеніе Кастакозъ, гдѣ стояли главныя силы коканцевъ. Одна изъ колоннъ, въ составѣ 2 ротъ, 2 орудій и полусотни казаковъ, находилась подъ начальствомъ подполковника Ефремова; другая, такой-же численности, подъ начальствомъ полковника Савримовича. Последняя колонна направилась на главный отрядъ коканскихъ войскъ, бывший подъ начальствомъ амякъ-харовъ Кули-Холь - Назара и Миръ-Ханъ-бая, въ составѣ до 15,000 человекъ. Войска эти, выстроившись въ восемь колоннахъ, сначала держались довольно стойко, но двѣ удачно пущенныя гранаты заставили ихъ отступить въ Кастакозъ столь поспѣшно, что часть убитыхъ осталась неподобранною. Полковникъ Савримовичъ преслѣдовалъ ихъ до Кастакоза. Здѣсь коканцы заняли-было опушку садовъ, но, выбитые оттуда натискомъ нашихъ стрѣлковъ, принуждены были продолжать отступленіе за Кастакозъ.

Пройдя это селеніе, отрядъ нашъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ бывшихъ у коканцевъ фальконетовъ, сосредоточенныхъ въ одномъ пунктѣ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій прекратили огонь коканцевъ и заставили ихъ отступить въ безпорядкѣ. Преслѣдованіе продолжалось до границы, причемъ въ плѣнь взято пять человекъ.

Дѣло при Кастакозѣ, начавшееся въ 5^{1/2} часовъ утра, продолжалось безъ перерыва до 12 часовъ дня. Число убитыхъ коканцевъ опредѣлить трудно, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, отступая, они успѣвали подбѣгать убитыхъ.

Одновременно съ дѣйствіями правой колонны, лѣвая направилась къ селенію Испогару и здѣсь встрѣтила массы коканцевъ, разбитыхъ полковникомъ Савримовичемъ. Пустивъ нѣсколько мѣткихъ гранатъ и производя дружную атаку, подполковникъ Ефремовъ отбросилъ скопища враговъ съ большимъ урономъ къ Сырь-Дарьѣ.

Въ тотъ-же день прибылъ въ Ходжентъ одинъ стрѣлковый батальонъ и 4 орудія, а въ слѣдующіе дни сосредоточились тамъ войска, предназначенныя для экспедиціи.

20-го августа отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана, выступилъ изъ Ходжента. Первый ночлегъ былъ у селенія Обхурекъ, на коканской границѣ. На слѣдующій день непріятель пробовалъ было остановить наше движеніе, но всякій разъ былъ отражаемъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; въ особенности сильно было нападеніе коканцевъ на пѣхоту, по приближеніи ея къ кишлаку Карачакумъ. Такъ какъ вода въ этой деревнѣ была отведена непріате-

лемъ, то отрядъ расположился на ночлегъ на берегу Сырь-Дарьи.

Ночь прошла спокойно и въ 5 часовъ утра 22 августа войска наши двинулись далѣе. Кавалерія прикрывала правый флангъ авангарда. Когда колонна стала подыматься на гребень высоты, лежавшихъ передъ крѣпостью Махрамомъ, какъ непріятельская кавалерія, простиравшаяся до 13,000 чел., начала дѣлать попытки обойти отрядъ. Очевидно было, что коканцы хотѣли задержать его и подвести подъ огонь крѣпости съ фронта, гдѣ мѣстность была затоплена; но генералъ Кауфманъ разгадалъ ихъ замыслы и, подвигая медленно колонну влѣво, совершилъ обходное движеніе. Когда голова колонны подошла на 1,100 шаженъ къ укрѣпленному лагерю подъ крѣпостью, непріятель открылъ сильный огонь, но безъ всякаго вреда для насъ. Отогнавъ коканскую кавалерію выстрѣлами артиллеріи, главнокомандующій поручилъ генералъ-лейтенанту Головачеву съ 2 батальонами и 12 орудіями штурмовать непріятельскую позицію. Генералъ Головачевъ быстро двинулся впередъ, подъ прикрытіемъ огня нашей артиллеріи, которая заставила замолчать коканскія пушки. Тогда батальоны ударили въ штыки и мгновенно заняли укрѣпленіе, причемъ захватили 23 орудія. Вслѣдъ затѣмъ, первый батальонъ бросился къ крѣпости, окруженной глубокимъ ровомъ и занятой скопищами коканцевъ. Давъ залпъ по амбразурамъ, солдаты выломали ворота и ворвались въ Махрамъ. Непріятель защищался отчаянно, но это сопротивленіе только увеличило его потери.

Между тѣмъ полковникъ Скобелевъ, отразивъ атаки коканцевъ на нашъ правый флангъ, оставилъ два дивизіона казаковъ для прикрытія артиллеріи и съ остальными двумя дивизіонами переправился вплавь черезъ широкій арыкъ и напалъ на выступившія къ нему на встрѣчу толпы коканской кавалеріи и пѣхоты, въ числѣ около 6,000 человекъ, причемъ отбилъ два орудія. Непріятель бѣжалъ и былъ преслѣдуемъ на протяженіи 15 верстъ. Во время преслѣдованія, коканцы, замѣтивъ малочисленность отряда полковника Скобелева, попытались было дать отпоръ, но мѣткій ракетный огонь, открытый капитаномъ Абрамовымъ, заставилъ ихъ снова обратиться въ бѣгство.

Потеря непріятеля была огромная. Вся мѣстность около Махрама и до Сырь-Дарьи была покрыта трупами и оружіемъ; многіе изъ бѣжавшихъ потонули въ рѣкѣ; трофеями победы были 39 орудій, много фальконетовъ, снарядовъ и запасовъ пороха, 9 бунчуковъ и 37 значковъ. Потери наши состоятъ: убитыми 1 штабъ-офицеръ (подполковникъ Хорошхинъ), 5 нижнихъ чиновъ и 1 джигитъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ (полковникъ Скобелевъ) и 7 нижнихъ чиновъ.

Впечатлѣніе, произведенное махрамской побѣдой, было огромное: жители изъ сельскихъ дальнихъ мѣстностей Кокана поспѣшили изъявить покорность и убѣдились въ невозможности сопротивляться русскому оружію. Этимъ убѣжденіемъ объясняется панический страхъ, овладѣвшій 10,000 скопцемъ Абдурахмана-автобачи (смотри «Всем. Иллюстр.» № 353, Изв. изъ Ср. Азіи) при встрѣчѣ съ нашимъ отрядомъ. Вѣроятно, это была послѣдняя вспышка коканскихъ бунтовщиковъ и можно надѣяться, что съ этого времени страна выступитъ на путь мирнаго развитія, наравнѣ съ другими среднеазиатскими ханствами, находящимися подъ вліяніемъ Россіи.

„КЫЗЪ-БЫРЫ“ — „ВОЛКЪ-ДѢВКА“.

Конныя шры въ киргизской степи.

Хотя киргизы официально признаны и считаются мусульманами, но религія Магомета не пустила у нихъ такихъ глубокихъ корней, какъ у другихъ, преимущественно осѣдлыхъ, народовъ центральной Азіи.

Уномадовъ много еще сохранилось прежнихъ языческихъ обрядовъ, духъ которыхъ рѣзко отражается какъ на ихъ вѣрованіяхъ,

Кыз-Быры (Волзь-Давка), конные игры из Киргизской степи. (Рисунок Н. Н. Каразина, грав. К. Вейерманъ).

так и на домашнем быт. Стоить только обратить внимание на положение женщины у кочевников, чтобы убедиться, на сколько слабо мусульманство коснулось этой стороны их жизни.

Уже с первого раза вы видите открытое, свободно и смело глядящее на вас лицо киргизской женщины, тогда как, по мусульманскому закону, вы должны были бы встретить ходячую мумию, тщательно скрывающую под густою сяткою свое лицо, робкую, покорную, забитую наложницу своего мужа, — властелина над нею, даже над ее жизнью.

Киргизка — хозяйка в своем доме; она имеет голос во всех делах своего мужа; она не раба его, а подруга; овдовев, она не рискует перейти, по завещанию покойного, к кому-либо другому, как это часто делается у чисто мусульманских народов; она становится законною наследницею имущества мужа, если она бездетна; а если у нее есть малолетний дитя, то ей принадлежит дальнейшее воспитание их и главное управление над их имуществом.

Не место в этом маленьком очерке трактовать о подробностях женского быта у номадов, чрезвычайно интересного и отчасти даже поучительного, потому переходу прямо к описанию приложенного к этому номеру «Всемирной Иллюстрации» рисунка, изображающего одну из сцен, характеризующих отчасти быт киргизской девушки.

Девушка у киргизов пользуется до замужества полною свободою; она не стеснена никакими обязательствами, а в большинстве случаев, хотя и существует обычай засватывания с детского возраста, сохраняет за собою самостоятельность «выбора».

Она знакомится с молодыми людьми окрестных аулов... Джигиты связываются часто, особенно в дни каких-нибудь празднеств, вместе, устраивают общия игры, конные скачки и разные ристалища, и в этих играх девушки, сами превосходные наездницы, принимают деятельное участие, часто даже первенствующее.

На нашем рисунке художник изобразил одну из сцен, занесенную им с натуры в свой путевой альбом, во время долголетнего пребывания его в центрально-азиатских странах.

Это «Кыз-бери», т. е. «Волк-дэвка», конная игра, первая роль в которой принадлежит наезднице.

Дело происходит таким образом:

Девушка выбирает себе лучшего скакуна в табунах своего отца и выезжает на открытое место; за нею выстраиваются в ряд джигиты, конечно, все соискатели ее благосклонности, и, по данному сигналу, скачка начинается. Наездница должна доскакать до поставленного в известном расстоянии столба, джигиты должны помешать ей в этом; последние охватывают ее полукругом, пытаются сбить ее с должного направления, заскакивают ей на встречу, одним словом, начинается по степи такая оживленная, дикая скачка, что в ней высказывается вся отвага, вся ловкость и лихость отчаянных наездников.

Она одна борется против нескольких человек; борьба неровная, и единственное преимущество наездницы — это предварительный выбор лошади.

Если ее поймали прежде, чем она доскакала до поворотного столба, — она поневоле обязана выдержать целый приступ самых пылких, подчас далеко нецеремонных ласок; одежда ее часто летит клочьями, ее теребят, тащут с лошади, цылуя, обнимают, пока не вызовут у ней крика покорности, мольбы о пощаде, что случается чрезвычайно редко, принимая в расчет заносчивость, упрямство и дикую гордость амазонок.

Но за-то горе и джигитам, если они дали ей возможность доскакать до цели. Тогда роли перемываются: преследующие обращаются в преследуемых, преследуемая в преследующую. «Пастухи гнали волчицу, говорят киргизы, теперь волчица начинает душить баранов»...

Наездница взмахивает над головою своею тяжелою, ременною нагайкою, «камчею», она гонится за джигитами; неловкий наездник, не успевший увернуться, платит жестоким ударом по чему ни попало, таким ударом, что частенько валится с лошади и на долго теряет возможность гоняться «за волком-дэвкой».

Как испуганное стадо, бросаются джигиты в разные стороны от безбоязненного преследования; с диким гиканьем, вся раскрасневшаяся, взволнованная, несется за ними бешенная амазонка, подстрекаемая ободрительными криками зрителей.

Неловкий джигит лучше уже не подвертывайся!..

На нашем рисунке изображены три момента подобной игры: на самом заднем плане скачка к столбу, на главном — муть картины — пойманная красавица и свалка претендентов на пощеду и ласки, а на первом плане, лицом к зрителю, — свирепое преследование неловких, оплошавших наездников.

Четвертая всероссийская конная выставка в Москве.

Нынешняя выставка продолжалась с 11 по 16 сентября включительно. 11 сентября происходило официальное открытие конской выставки, в присутствии Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича старшего, а затем, после молебствия, произведена была полная выводка всех выставленных лошадей. Ежедневная выводка происходила в манеж (при доме управления государственного коннозаводства), принявшего, на этот раз, праздничный вид; так напр., одна из стень была украшена большою, в рамк из зелени, картиною, изображавшею блага коня *), которого сдерживает юноша в классической туник и ниспадающей алой тоге; для зрителей вдоль стень (двой от входа) устроены были места, к сожаленью, замкнутым, мало-доступным по цене для большинства публики.

По составу представленных лошадей, четвертую всероссийскую конную выставку следует признать, как мы уже имели случай замечать (см. коррес. из Москвы № 352 «Всем. Иллюстр.») — одною из наиболее удачных: всех лошадей приведено было 338 (267 жеребцов и 71 кобыла), из которых премий удостоено было более половины. Здесь мы назовем только тех, которые награждены первыми двумя высшими премиями:

I отряд верховой: а) *чистокровной английской породы* (первая премия): *Громобой*, А. А. Мосолова и *Лазанка*, г-ж Петровских; (вторая премия): *Эклингс*, г. В. Мысыровича и *Жунгария*, г-ж Петровских; б) *чистокровной арабской породы* (1-я прем.): *Тасрис*, кн. Р. Е. Сангушко; (2-я прем.): *Тибет* и *Прециоза* — его же; в) *верховой крупной породы* (1-я прем.): *Любимец*, Е. О. Овросимова; (2-я прем.): *Буня*, И. В. Станкевича и *Рахиль*, баронессы М. И. Раленъ, г) *верховой легкой породы* (1-я прем.): *Кадма*, Его Императорского Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича старшего и *Султанша*, г. Мазаракі; (2-я прем.): *Шаик*, г. Охотникова и *Изабелла*, В. В. Савича; д) *донской породы* (1-я прем.): *Золотая*, кн. В. А. Меншикова.

II отряд упряжной: а) *рысистой породы* (1-я прем.): *Полкан*, г. Пожидаева и *Византия*, г. Филиппова; (2-я прем.): *Удалой*, г. Бардина и *Огромная*, г. Свечина; б) *крупноупряжные* (1-я прем.): *Богатырь*, г. Мазаракі; (2-я прем.): *Чайный*, гр. Сиверса.

III отряд рабочей: а) *тяжеловозы* (1-я прем.): *Геркулес* и *Догда*, г. Соколова; (2-я прем.): *Полковник*, г. Миняева и *Юнона*, Петровско-Разумовской академии; б) *сельскохозяйственной крупной* (1-я прем.): *Батый*, г. Римско-Корсакова и *Лыска* г. Пишкова; (2-я прем.): *Арно*, Его Императорского Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича стар-

*) Вероятно, Буцефала, усмиряемого Александром Македонским.

шего и *Богатырь*, г. Дикарева, и, наконец, в) *сельскохозяйственной мелкой* (1-я прем.): *Силач*, Петровско-Разумовской академии; (2-я прем.): *Пахита* и *Браномейстер*, Ильинской фермы Его Императорского Величества.

В день закрытия выставки, 16 сентября, произведена была вольная продажа некоторых из выставленных лошадей.

Путешествие принца Узьского в Ост-Индю.

Телеграф сообщал уже об отъезде принца Узьского в Ост-Индю. Это путешествие сдѣлалось необходимою после процесса гиковара Бародского. Туземные князья и большинство населения видели в назначении на место его малолетнего раджи новое покушение англичан к уничтожению самостоятельности и остальных полунезависимых княжеств Инди. В виду такого настроения умов и успеха проповеди нехабитов, равно как и натянутых отношений Британии к Бирме и Китаю, английское правительство признало полезным, чтобы наследник престола совершил путешествие в эти отдаленные страны и ознакомился с местными властями. Сначала по поводу расходов на эту поездку возникло в парламенте несогласие, но потом требуемая сумма была утверждена. Тем не менее, он недостаточен. В Азию существует обычай при встречах знатных особ или государей обмениваться подарками, и чем выше посещающее лицо, тем драгоценнее должен быть подарок. Понятно, что такой обычай был разорителен для принца Узьского, а потому вице-король не намерен дѣлать торжественных приемов ни в Бомбей, ни в Калькутты, ни в других местах, где назначены свидания принца с туземными князьями; вместе с тем правительство распорядилось об ограничении ценности подносимых принцу подарков. При всем благозвучии таких жѣр в финансовом отношении, есть основание сомневаться в успешности результатов путешествия наследника короны Викторіи; во-первых, он должен будет занимать второе место, так как первое принадлежит по этикету вице-королю; во-вторых, он не будет иметь той блестящей обстановки, какою окружают себя туземные раджи, и в-третьих, уѣзденность принца при раздаче подарков произведет, вѣроятно неблагоприятное впечатлѣніе на массу. В заключение скажем несколько слов о фрегате «Сералис», на котором принц совершит путешествие в Ост-Индю. Слуга принца и офицеры будут помѣщаться в каютах на большой палубѣ, которая очень тѣсна, потому что понадобилось место для устройства кают Его Высочества. Последнія убраны с необыкновенною роскошью: стѣны бѣлы с позолотой, карнизы и колонны свѣтло-голубые, на окнах зеленая шелковая штора, занавѣски кружевные; мебель обита темнокоричневою дорогою матеріею, с вытѣсненными на ней золотыми знаками орденов «звѣзды» и «подвязки». Спинки кресел и диванов набиты соломой, как дурным проводником теплоты; кровать принца металлическая и сдѣлана в родѣ койки; для избавления его от жары, под его помѣщеніем поставлены двадцать бочек со льдом и в разных мѣстах находятся огромныя опахала, приводимыя в движеніе рабочими. В других частях судна устроены конюшни для лошадей принца и большія помѣщенія для быков, баранов и птиц. Одним словом, путешествие будет совершено с полным комфортом.

50-лѣтній юбилей изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ.

В прошлом мѣсяцѣ (27-го сентября н. с.), в Дарлингтонѣ (Англія), центрѣ секты квакеров и мѣсто-рожденія многих замѣчательныхъ вождей ея, какъ-то: Дисона Вульмана, Брайта и др., праздновался 50-лѣтній юбилей открытія первой желѣзной дороги — одного изъ величайшихъ изобрѣтеній нашего времени.

Проектъ первой желѣзной дороги изъ Стоктона въ Дарлингтонъ принадлежалъ квакеру Эдуарду Пизу, который, въ 1817 г., предложилъ устроить конную дорогу съ деревянными рельсами для перевозки изъ каменноугольныхъ рудниковъ угля, которымъ мѣстность эта изобиловала, посредствомъ лошадей или же веревкой и цѣпей, прикрѣпленныхъ къ локомотивамъ. Проектъ этотъ, какъ должно было ожидать, встрѣтилъ большое несочувствіе со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ и въ особенности любителей охоты, почто-содержателей и другихъ, и только четыре года спустя былъ утвержденъ правительствомъ. Въ это время главнымъ инженеромъ и директоромъ проектируемой дороги былъ знаменитый Георгъ Стефенсонъ, изобрѣтатель перваго локомотива; онъ успѣлъ уговорить Пиза замѣнить деревянные рельсы желѣзными и испытать его локомотивъ «Pulling Billy», замѣненный впослед-